ШКОЛА

оборотень с указкой

Амфора

повесть Лены Миро

ШКОЛА

Лена Миро

ШКОЛА

оборотень с указкой

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
АМФОРА
2010

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6
М 63

Миро Л.

М 63 Школа. Оборотень с указкой : [повесть] / Лена Миро. — СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2010. — 186 с. — (Серия «Школа»).

ISBN 978-5-367-01526-3

Интимный дневник учительницы физики откроет все секреты классной руководительницы 9 «А».

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-367-01526-3

Я была жутко развратным ребенком. Как сейчас помню: мне пять лет, мама — на кухне, а мы с соседским Витькой показываем друг другу письки.

— Ты первая! — говорит Витька.

— Нет, ты!

Он не препирается и нетерпеливо спускает синие шортики вниз на белые гольфы. Я разглядываю крохотный хоботок, торчащий из мешочка.

— Теперь ты! — требует Витька, возвращая шорты на место.

Я снимаю трусы и гордо задираю платье — мой любимый зеленый солнце-клеш. Чувствую себя прекрасной. Не из-за письки. Из-за платья.

Но тут входит мама.

Негодуя, она уводит Витьку домой, а меня ставит в угол и весь вечер со мной не разговаривает. А перед сном выдает:

— Будешь показывать мальчикам письку, быстро состаришься и умрешь.

Я тогда очень испугалась. А Витьке его мама сказала, что если он будет светить своим краником, то краник отвалится. Витька тоже испугался.

Глупо со стороны родителей. Это я сейчас, в свои двадцать пять, понимаю. Запретили, постращали, и простое детское любопытство сменилось непреодолимой тягой к запретному.

После того случая нас все равно часто оставляли вместе: то моей маме надо было в магазин сбегать, то его. Мы перестали интересоваться кубиками, пупсиками и машинками. Содержимое трусов друг друга — вот что по-настоящему манило и пугало одновременно. И тогда мой детский, но уже изворотливый мозг нашел выход: показывать нельзя, но трогать-то можно! И мы, зажмурившись, чтоб уж наверняка, трогали, а, натрогавшись вволю, могли и поиграть. В кубики там или в солдатиков. Но чаще — в принца и принцессу. Витька был принцем и спасал меня от Кощея, а потом мы женились. Фатой служила марля, через которую мама гладила одежду.

Лет в семь я полюбила фигурное катание и перед сном мечтала о том, как однажды я, Наташенька, красивая невеста в белом платье, буду кружиться на коньках с женихом. Мечта была всегда одинаковой: пустой стадион, я выхожу и под музыку начинаю раздеваться, скользя по льду. Тогда я и знать не знала про стриптиз, но почему-то мне страшно хотелось раздеться перед женихом. А потом и жених в моих мечтах раздевался, и мы катались, держась за руки. Я не видела наши тела вблизи. Только издали, без анатомических подробностей. Просто красивая картинка. Прин-

цесса и принц на льду. Тогда я была уверена, что я самая красивая девочка на свете.

В третьем классе к нам пришла новенькая. Анжела Варвина. Тоже, как и я, отличница. Всё, больше единственной отличницей в классе я не была.

Помимо красивого имени, блестящих каштановых волос до пояса и круглых пятерок, у нее был папа-коммерсант и, как следствие, кукла Барби, пенал с Микки-Маусом и импортные фломастеры штук по сто в упаковке.

Новенькая вызывала во мне противоречивые чувства: я с ней конкурировала, я ей завидовала, я хотела быть ее подругой. С ней вообще все девочки хотели дружить, поэтому льстили или, как бы я выразилась сейчас, подлизывали. А мальчики дергали за роскошный длинный хвост и бегали только за ней, когда играли в догонялки. И эта пиздурочка в синей форме (даже форма у нее была не такая, как у всех, не уныло-коричневая) носилась по рекреации, заливаясь противным смехом, и счастливо визжала, когда ее догоняли.

Помню Восьмое марта. Тупая училка сказала:

— А теперь мальчики поздравляют девочек.

Это я сейчас понимаю, насколько та училка была тупая.

Первым вышел Леша Орлов.

— Кого ты хочешь поздравить?

— Анжелу.

— Я тебя понимаю. Анжела — красивая девочка.

Орлов подошел к Варвиной и вручил ей самодельную открытку и шарик.

Следующим вышел Виталик Силкин. Хороший парень, лучше всех по физкультуре.

— Кого ты хочешь поздравить?

— Кузнецову.

— Я тебя понимаю. Наташа — умница. И почти красивая.

Виталик положил мне на парту мягкую игрушку — маленького тигренка. Это был лучший подарок из всех, что принесли в тот день мальчики. Намного лучше, чем доставшиеся Варвиной открытка и шарик. Но у меня в ушах стояла фраза: «почти красивая». Как это «почти»? Почему «почти»? Почему Варвина красивая, а я «почти»? Это я красивая! Я! Я!

Это чертово «почти» стало первым ударом по моей самооценке и запустило механизм саморазрушения на многие годы.

В пятом классе мы начали учить английский и у меня появились прыщи. Еще два удара.

Прыщи — понятно почему, а английский — потому, что мне он не давался, и я стала получать первые в жизни «тройки». А «тройка» для отличницы — это очень позорно.

— Анжелочка, позанимайся, пожалуйста, с Наташей. Она снижает показатели по коллективной успеваемости, — сказала как-то англичанка, она же наш классный руководитель.

Я уставилась в парту, сгорая от стыда и стараясь не разреветься, а дура Анжела охотно закивала. Не потому, что ей нравилось помогать. Просто любила чувствовать свое превосходство.

— Приходи ко мне завтра в восемь утра, — сказала она после урока. Мы учились во вторую смену.

— Может, попозже?

— Попозже у меня хореография.

Ко всему прочему, Варвина еще и танцевала. Хорошо танцевала. На пуантах.

Я тоже ходила в танцевальный кружок. Но не в Школу искусств, а в Дом пионеров. В Школу искусств меня не взяли: недостаточно гибкая. И даже в Доме пионеров я танцевала хуже всех. Для такой самолюбивой девочки, как я, ходить туда было настоящей пыткой. Но мама меня не спрашивала. Она считала, что девочке следует заниматься танцами, а значит, надо было заниматься.

Я пришла ровно в назначенное время. Варвина вертелась перед зеркалом.

— Я не толстая? — спросила она, будучи меньше меня раза в два.

Этого оказалось достаточно, чтобы я почувствовала себя огромной и неуклюжей. Хотя ведь толстой я никогда не была. Я была просто рослой и крупнокостной. Такой и осталась. И, по-моему, это красиво. По крайней мере, лучше, чем быть спирохетой. Но тогда я так не считала.

Следующий час Варвина декламировала три английских стишка, наслаждаясь звуками собственного голоса. Время от времени просила меня повторить. Я повторяла. Она морщилась:

— Ну, не так! Не «зысыз», а «дысыз»! Поняла? Язык должен быть между зубами.

— Но у тебя же — не между! У тебя — «дысыз».

— Лично у меня, — Варвина сделала многозначительную паузу, — все правильно. Это тебя ко мне прислали, а не наоборот.

В конце занятия еще и задала кучу домашки. В школе так никогда не грузили.

— Я не успею.

— Успеешь, если постараешься. Жду тебя послезавтра. В восемь.

После занятия я пришла домой, достала из шкафа трех кукол, в которые давно не играла, выбрала самую большую и красивую — голубоглазую Киру — и сказала: «Теперь ты — Анжела. Ты дрянь и гадина». Я сняла с Киры-Анжелы желтое платье и белые трусики, поставила ее на стол голой, а двух остальных кукол усадила на стул. «Все смотрите, какая она дрянь!». Я отлупила куклу, а вечером села и сделала чертовы упражнения. Все до единого. Чтобы не дать Варвиной лишний повод надо мной поиздеваться.

С тех пор у меня вошло в привычку после каждого занятия раздевать и унижать куклу. Я ставила ее раком, била по пластмассовой заднице, обзывала и испытывала от этого непонятное возбуждение.

Визиты к Варвиной принесли «пятерку» в четверти, обрушили мою самооценку, и, парадоксально, но факт: мы подружились. В том смысле, что теперь мы общались и ходили друг к другу в гости. Однако я продолжала ей втайне завидовать, а она, думаю, меня презирала. Классический пример женской дружбы: звезда и ее «вечно вторая» подружка.

Когда Анжела задевала меня очередным «дружеским» высказыванием типа: «Смотри, какая у меня талия. Руками можно обхватить», я приходила домой и ебошила куклу. Становилось легче.

Второй отдушиной стали книги. Но не все, а только те, что читала мама. «Анжелика», «Катрин», «Поющие в терновнике» и другие, в которых было «про это». Перед родителями я делала вид, что подобная литература меня не интересует, но, как только оставалась одна, бросалась к книжному шкафу и с упорством маньяка выискивала отрывки про «его губы, жадно припавшие к ее раскрывшемуся дрожащему естеству» и «нефритовые стержни, наполнившиеся яростным желанием».

В процессе чтения я очень возбуждалась, но еще не знала, что с этим возбуждением делать. Увы, в сентиментальных романах не было ни слова о мастурбации.

В шестом классе у меня пошли месячные. На полгода раньше, чем у Анжелы. Весь предыдущий год прошел в страхе наступления таковых. Мама молчала

как партизан, не понимая, что с дочкой о таких вещах положено разговаривать. Вместо этого она сводила балансы и росла профессионально, пропустив не только мои месячные, но и уход отца.

Когда у меня началась менструация, мама выдала мне прокладки. Когда отец собрал вещи, она забрала у него ключи. И то и другое — с одинаковым выражением лица: буднично-непроницаемым. Мне до сих пор иногда кажется, что мама нас никогда не любила. Хотя умом я понимаю: это не так. Она просто такая. Холодная и деловая.

Все школьные годы я гналась за Анжелой и никак не могла ее догнать. Шмотками я была не избалована: у меня — одна пара джинсов, у Варвиной — пять, у меня — один флакон духов, у нее — целая полка. И это несмотря на то, что мама хорошо зарабатывала, будучи главбухом крупного завода в Воронеже.

Мама, как и я, рослая, заметная, с большими руками и ступнями. Еще и весит центнер. Но это ее не то что не беспокоит, а вообще не интересует. В ней нет ни капли сексапила. И не было никогда. Или был, но весь вышел, навеки погребенный под финансовыми отчетами. Одного не пойму: зачем она читала романы? Чтобы разгрузить мозг?

Я — другое дело. Мне патологически необходимо нравиться мужчинам и ощущать себя самой красивой. Присутствие привлекательных женщин рядом мне неприятно. Я все время выискиваю в них недостатки:

у этой задница плоская, у этой грудь как два наперстка, эта росточком не вышла, у этой морда собачья. Из-за постоянной внутренней конкуренции с другими женщинами я наломала столько дров...

В десятом классе я влюбилась. В первый раз, по-настоящему, по-детски серьезно. В того самого Лешку Орлова, который еще в третьем классе подарил Варвиной открытку и шарик.

Орлов был смазливым, умным и хулиганистым. Подкупающее сочетание.

У нас с ним было много общего: оба любили физику, математику и информатику и часто оставались после уроков на всякие факультативы. А после, если погода была хорошая, шли прогуляться. Во время прогулки он мог взять меня за руку. В такие дни я вбегала в квартиру и кружилась от счастья. Еще немного — и он меня поцелует! Слушая очередной романтический курасон, я представляла, как однажды мы поднимемся ко мне вместе. И как все будет. Я, физматик до мозга костей, стала писать стихи. И пусть наши отношения не заходили дальше обсуждения какой-нибудь задачки, в моих стихах мы уже вовсю целовались и любили друг друга. Каждый вечер я рождала очередной «шедевр». Что-то вроде:

Мы расстались вчера. Ну и пусть.
И в разлуке мы любим друг друга.
Прогоню мимолетную грусть,
Вырвусь вон из порочного круга.

Ты моих искупленье грехов,
Я ночей всех твоих исступленье.
Ты бесценный мне дар от волхвов,
Я твой рок и твое преступленье.

Но, когда ты целуешь меня,
Даже имя свое забываю,
Лишь в тебе обретаю себя.
Как жила без тебя, я не знаю.

Разве может из дружбы любовь
Так негаданно вдруг зародиться?
Но не важно. С тобою я вновь.
И со мной ничего не случится.

Ясное дело, ни в каком порочном кругу я, отличница и целка, тогда не находилась. И грехов особых за мной не водилось. Разве что Варвиной завидовала. Но кто ей только не завидовал! Не всем же в аду за это гореть. А писала так для рифмы и для того, чтобы было надрывно и красиво. Понятно, что фраза «лишь в тебе обретаю себя» — двусмысленна, а из уст женщины вообще звучит странно, но тогда мне казалось, что я пишу прекрасные стихи — сильные, чувственные, проникновенные. В такие моменты я даже Варвину любила больше, чем ей завидовала.

До тех пор, пока не случилась трагедия. Точнее, я об этой трагедии наконец узнала.

Мы сидели на лавочке возле подъезда. Лешка взял меня за руку:

— Наташ, мне надо с тобой поговорить.

Ура! Наконец-то! Сердце забилось сильнее.

— Давай, — выдохнула я.

— Ты, наверное, заметила, что мне нравится Варвина?

— Варвина?

Это был удар под дых. Я не ожидала такой подставы, но все-таки в голове мелькнула надежда: может, сейчас он скажет, что она нравится ему как человек, или как танцовщица, или как моя подруга.

— Да, Варвина. Давно нравится.

А это был уже удар топором.

— Но почему? Вы же такие разные! Ты умный, а у нее весь мозг ушел в пуанты.

— Что ты такое говоришь! Она же твоя подруга.

— Именно поэтому и говорю! Вы не подходите друг другу!

— С чего ты взяла? Противоположности, между прочим, притягиваются.

— Не в вашем случае!

Лешка немного помолчал, потом посмотрел мне в глаза и спросил:

— Наташ, я не пойму: ты мне друг или кто?

— Конечно друг.

Я боялась рассориться с ним, поэтому смалодушничала и согласилась на унизительный статус друга.

— Тогда помоги мне.

— Чем?

— Советом, действием, не знаю чем. Помоги понравиться Варвиной. Поможешь?

— Хорошо, — ответила я и встала. — Мне пора. Я подумаю и скажу тебе, что делать.

— Спасибо. Ты настоящий друг.

Как только я повернулась к нему спиной и зашагала к двери, из глаз покатились слезы. Но он их не увидел.

Дома в памяти всплыл эпизод, когда училка назвала меня «почти красивой». Услышать от Лешки «ты настоящий друг» было так же обидно, как и то самое «почти». Я разрыдалась. Почему Варвина нравится, а я «настоящий друг»? Почему? Почему? Почему? Опять это чертово «почему»! Почему одним все, а другим ничего? Чем она лучше меня? У меня грудь больше. И на лицо я красивая. И люблю его по-настоящему. Что не так? Что ему надо? Что в ней есть такого, чего нет у меня? У нее только шмотки круче! А в остальном она ничем не лучше! Даже хуже. В сто раз!

Я ревела от обиды на весь мир: на дуру Анжелу, на Лешку, который не видит, какая она дура, на маму, которая может, но не хочет купить мне нормальную одежду. Но я знала: цыганить что-либо у матери бесполезно, поэтому ревела еще и от собственного бессилия.

Когда слезы кончились, я вскрыла собственный мозг, сравнивая себя с Варвиной. Она худее, но у меня ноги длиннее. У нее нос маленький, зато у меня губы красивые. У нее шмотки, а у меня — третий размер

груди. Получалось, что мы идем примерно вровень. Но тогда как объяснить тот факт, что у Анжелы рейтинг намного выше, чем у меня? На дискотеках ребята выстраиваются к ней в очередь, на переменах охотно болтают, не дразнят и при этом не считают ее своей в доску, пацанкой.

Когда пришла мама, я спросила:

— Мам, а тебе Анжела нравится?

— Нравится.

— Она всем нравится. Не понимаю почему.

— Она очень обаятельная.

— Красивее, чем я?

— Нет. Но обаятельнее.

То, что она не красивее, меня немного успокоило, и я не обратила внимания на это «обаятельнее». А жаль. Если бы после разговора с мамой я начала развивать в себе обаяние, а не зацикливаться исключительно на внешних параметрах, многих ошибок удалось бы избежать.

На следующий день ко мне подошел Лешка.

— Давай не пойдем сегодня на факультатив? — предложил он.

Глупо, конечно, но в тот момент мне вдруг показалось, что насчет Варвиной он передумал и хочет встречаться со мной.

— А куда пойдем?

— Вы с Варвиной пойдете домой, а я вас провожу. Ну, типа, чтобы обсудить с тобой какую-нибудь фигню

по физике. А потом я соскочу с темы и доведу Анжелу до подъезда. Ведь ее подъезд — дальше твоего. Круто я придумал?

— Круто.

— Вот ты где! А я тебя ищу! Наташ, пойдем в столовку сходим, — подлетела к нам Варвина, улыбающаяся и не подозревающая, насколько сильно она отравляет мне жизнь.

Когда мы втроем пошли после школы домой, я увидела совсем другого Лешку: со мной он был болтливым и ржачным, а в присутствии Варвиной молчал и тупил. Видно было, что смущается.

— Ну, пока, — сказала Анжела, когда мы подошли к моему подъезду, и, махнув рукой, убежала.

А Лешка остался стоять рядом со мной.

— Что не пошел?

— Не сориентировался.

— В чем?

— Она не такая, как все. С ней сложно. Я теряюсь.

— Да какая «не такая»? Самая обычная, — разозлилась я. — Плоская, губы тонкие. Ничего особенного.

— Ты не понимаешь. Она очень клевая. Всем пацанам нравится.

С третьей попытки Орлов все-таки довел свою фею до подъезда. Потом стал провожать ее каждый день. На факультативах он больше не появлялся.

Я видела, что Варвиной приятно его внимание, но она совсем не была в него влюблена. Просто очеред-

ной поклонник, достаточно привлекательный для того, чтобы сойти на роль провожатого.

А нравился ей Влад Кричевский из 11 «Б». Веселый брюнетистый школьный диджей. Она знала назубок его расписание и два раза в неделю приходила на занятия особенно разодетая: по вторникам у нас была литература сразу после 11 «Б», а по четвергам — химия перед.

У этой сучки был талант: она умела входить в любое помещение так, как будто на сцену в лучах софитов. Вроде бы маленькая, тощенькая, но то ли походка красивая, то ли осанка балетная — не заметить невозможно. Даже школьный мачо Кричевский замечал и улыбался. Однако заигрывать и знакомиться не спешил: он встречался со своей одноклассницей, которой я симпатизировала уже за то, что она была преградой на пути к Анжелкиному счастью. Хотя... Варвину не сильно расстраивало наличие девушки. Ее вообще мало что расстраивало. У нее был легкий характер. Легонький умок, как бы сказала моя бабушка.

Это я парилась из-за того, что не могу быть с Лешкой, что он сохнет по другой, а Анжеле было по кайфу состояние собственной влюбленности. То, что Кричевский занят, ее не волновало.

— Ну, девушка и девушка, — как-то заявила она. — Разве она может помешать мне радоваться от того, что я влюблена.

— И ты совсем не ревнуешь?

— К кому? К ней? Да хватит тебе! Она вообще никакая. Если я по-настоящему захочу, то Кричевский будет моим. Я вообще могу получить любого.

Варвина сказала это так, что я в очередной раз почувствовала собственную ущербность по сравнению с ней. Не вообще, а именно с ней. Когда Анжелы не было рядом, я расцветала. Но случалось это только летом: в деревне или на море. В остальное время я была «варвинозависима»: завидовала ей, но не могла от нее отлепиться. Какой-то внутренний моральный мазохизм.

В одиннадцатом классе Анжела заскучала: Кричевский поступил учиться в Москву, а других достойных объектов для ее легонькой любви не нашлось. Лешка продолжал таскаться за ней верным песиком и, кажется, был полностью счастлив. В этом проявилось все варвинское коварство: не подпускать влюбленного к себе, но продолжать канифолить ему мозги.

— Зачем он тебе нужен? — однажды спросила я.

— Кто? Орлов? А ты с какой целью интересуешься? Влюбилась? — противно, с явным чувством превосходства рассмеялась Варвина.

— На фиг он мне нужен? Просто спрашиваю.

— А, ну если просто, — ухмыльнулась сучка, — то скажу: мы с Орловым просто хорошие друзья.

— Да какие друзья? Он же в тебя по уши втрескался.

— Не понимаю, о чем ты. Еще раз: мы с Орловым — просто друзья.

Все она понимала и просто кривлялась. Прекрасно знала, что Лешка сохнет по ней, и ей это нравилось. И она давала ему надежду.

В феврале, на вечере встречи выпускников, в школе появился Кричевский. Они с Варвиной потанцевали, на следующий день погуляли, после чего Влад вернулся в Москву, и у них закрутился эсэмэс-роман. Романтично и легко — самое то для Анжелки.

Теперь она грузила меня этими проклятыми эсэмэс. О том, какая она «малышка и куколка», о том, как он по ней скучает и, в целом, какая она вся невозможная. Слушать это было невыносимо: я и так извелась из-за того, что у Варвиной есть мобильник (в 2000 году иметь в Воронеже мобильник — все равно что сейчас ездить по Москве на «кайенне»), а тут еще и оды в ее честь, извлекаемые из свидетельства крутизны никчемной, в общем-то, личности.

Однажды я не выдержала и совершила поступок, за который мне стыдно до сих пор, хоть о нем никто и не знает: украла у Варвиной телефон. Вытащила из сумки, когда она была у меня, а потом выкинула. Естественно, не возле дома. Прошла несколько улиц, завернула в какой-то двор и швырнула мобилку в большой мусорный бак.

Когда вернулась, Анжела уже ждала меня возле подъезда. Заметно расстроенная.

— Слушай, Наташ, я у тебя телефон не забывала?

— Вроде нет. Но пошли — проверим.

— Я уже раз сто на него звонила. Может, у тебя лежит, пока ты тут ходишь?

Прекрасно слышала, как ты названиваешь, подумала я. В мусорку теперь названивай!

— Блин! Вытащили, наверное. Жалко. Клевый такой телефончик. Еще один мне не купят.

— Почему?

— Стоит до фига.

Второго мобильника ей действительно не купили, и на некоторое время моя зависть приутихла: телефона больше не было, переписка с Кричевским оборвалась по причине отсутствия средства связи, звезда даже страдала. Видимо, ей было обидно, что поклонник так быстро слился: нет у дамы сердца возможности писать эсэмэс — ну и досвидос. Хотя страдала она тоже своеобразно, не как по уши влюбленная девочка-подросток. Не плакала, не слушала грустные песенки (а если и слушала, то никто об этом не знал), не писала стихов (или писала, но в стол). Наоборот, всячески храбрилась и говорила, что Кричевский ей глубоко по фиг и, вообще, он, наверное, сам парится намного больше, чем она. Мне до сих пор неясно: то ли она и правда была такой дурой, то ли держала лицо. В любом случае, несколько недель я прожила спокойно и даже проявляла к подруге искреннее участие.

Пока однажды она не позвонила мне и не попросила зайти. Никогда раньше не видела ее подавленной.

— Ты одна? — спросила я.

— Предки еще вчера в Москву укатили. Будут только завтра.

— Везет тебе! А моя мать никогда никуда не уезжает.

— Пошли на балкон покурим.

Мы стояли на балконе, давясь сигаретами.

— Орлов приходил, — сказала Варвина.

Я напряглась.

— И что?

— Противно мне.

— В смысле? У вас что-то было?

— Не всё.

— Как это?

— Так это. Он потом сказал: «Дали воздухом подышать и забрали».

— Не понимаю. Вы трахались?

— Было все, кроме непосредственно этого. Я не смогла.

— И после он сказал про воздух?

— Да.

— Зачем ты это сделала?

— Сама не знаю. Хреново мне.

— Из-за Кричевского?

— Вот еще! Захочу, будет у меня в ногах валяться! — хмыкнула Варвина и бросила вниз окурок.

Всё: той потерянной девочки, которую я видела несколько секунд назад, больше не было. Передо мной снова стояла привычная Анжела: звездная и уверен-

ная в себе. То, что произошло между ней и Орловым, мы больше не обсуждали.

А Лешка сильно изменился: не шутил, не ржал на переменах. Весь как-то стух. Несколько раз попытался упасть нам на хвост, чтобы проводить свою ненаглядную до подъезда, но был вежливо отшит фразой:

— Нам с Наташей еще в магазин надо.

Поначалу я обрадовалась тому, что они с Варвиной больше не общаются. Казалось: вот-вот — и Лешка ее забудет, а потом поймет, кто на самом деле ему подходит. Не тут-то было! Мы хоть и стали, как раньше, проводить много времени вместе, но это время целиком было отдано Варвиной. С каждым днем Лешка все больше и больше превращался в зомби. Кроме Анжелы, его уже ничто не интересовало. И чем хуже ему было, тем больше он зацикливался. Разговаривал только о ней. По сто раз пересказывал то, как она на него посмотрела, истолковывал каждый поворот ее пустой башки, засыпал меня дурацкими вопросами типа: «Почему она меня избегает? Может, я ей сильно нравлюсь и она боится своего чувства?» Короче, если раньше он общался со мной потому, что у нас были общие интересы (ну, или еще и потому), то после того, как Варвина его бортанула, я стала интересовать его исключительно как источник информации об объекте страсти.

На майские праздники приехал Кричевский. На носу — выпускные экзамены и поступление, а у Анжелочки гормоны в жопе играют: свидания, поцелуй-

чики. Оно и понятно: ей было не о чем волноваться. Сучка точно знала, что поступит в ВГУ на иняз. Родители уже обо всем позаботились. Не то что у меня: я поступала сама. Пусть не в ВГУ, а в пед, но сама.

Пока Варвина крутила любовь, я решала задачки из сборников ЗФТШ. Вернее, пыталась решать. Если бы действительно могла решить, то попала бы не в Воронежский пед, а в Московский физтех. Лешка тоже готовился. В политех на программиста. Я радовалась тому, что он остается в Воронеже и что он не будет учиться с Варвиной в одном институте. Со мной, правда, тоже не будет, но мы и так дружим.

Через несколько дней после отъезда Кричевского у Анжелы появился новый мобильник — выклянчила у родителей, и я опять подверглась пытке эсэмэс-чтениями. Похоже, Влад тогда всерьез запал на эту вертихвостку. Странно: не общались, не общались и снова чуть ли не по сотне эсэмэс в день.

Помню, как на перемене Варвина куда-то выбежала, а я залезла к ней в сумку за расческой. У нас это было в порядке вещей. Она тоже могла порыться в моей сумке. Но когда я увидела у нее «Постинор», мне стало не до расчески. Сучка трахнулась, а мне даже не сказала. А ведь это важно! Мы же подруги! Как она могла не рассказать мне про такое? В тот момент я действительно верила в то, что мы подруги, несмотря на мое подлинное к ней отношение.

— Видела у тебя таблетки, — прошипела я.

— Ну и что? — улыбнулась она.

— У тебя было?

— А что?

— Было или нет?

— Что за допрос? — рассмеялась Анжела, но тут вошла училка и пришлось заткнуться.

Я написала на бумаге: «Почему ты мне не сказала?» — «Не успела». — «Хороша подруга! С кем?» — «С Владом». — «Он же уехал!» — «Приехал. Так скучал, что не выдержал, сел в поезд и приехал». — «Когда?» — «Вчера».

— Варвина! Кузнецова! Вы на уроке или где? — сделала замечание химичка.

До конца урока я просидела как на углях. До сих пор не могу внятно объяснить почему, но меня бесило то, что Анжела больше не целка. И это была не зависть. Скорее ревность. Да, я ее ревновала. Ненавидела, не уважала, радовалась, когда ей плохо, но ревновала. На нее было потрачено столько моих эмоций, что она стала частью меня. Вернее, я ее так воспринимала. Именно: я была прикручена к ней своими болезненными эмоциями и комплексами. А она, оказывается, все это время была свободной. Могла запросто лишиться девственности и даже не соизволить мне об этом сказать.

После уроков мы пошли ко мне, и я завалила ее вопросами. Я жаждала деталей.

— А где сейчас твой Влад?

— Уехал.

— О чем ты думала? Не боишься, что он тебя трахнул и забыл?

— Не боюсь! — рассмеялась Анжела. — Он уже прислал кучу эсэмэс. Он меня любит.

— Уверена?

— На все сто! Ты-то что так разволновалась?

— Я за тебя беспокоюсь.

— Не надо. Все хорошо. Ну, правда, — сучка зевнула и потянулась. Настоящая кошка. В такие моменты я чувствовала себя девушкой с веслом.

— А «Постинор» зачем?

— На всякий случай. Ты не представляешь, как он был рад, когда узнал, что я до него ни с кем. Он сказал, что давно искал такую девочку — богиню и куколку. Прям как я.

Я никогда больше не встречала человека, который бы так легко, как бы между делом, восхищался собой. Восхищался искренне, не с целью борьбы с собственными комплексами, не напоказ, а просто так. Анжела хвалила себя потому, что очень себе нравилась. Я так не умела. У меня всегда выходила какая-то нервическая бравада в духе: «А вот я! А вот у меня!» И Варвина великодушно со мной соглашалась: «Конечно ты. Конечно у тебя». Так я тоже не умела. Как только Анжела заговаривала о том, какая она вся волшебная и невозможная, я замолкала. Даже поддакнуть из вежливости не могла.

После ее ухода я лежала, уставившись в потолок. Пыталась представить, как у них с Кричевским все

происходило. Я видела ее комнату: вот они целуются, сидя в кресле (вернее, он — в кресле, она — у него на коленях), потом перемещаются на кровать. Он говорит ей ласковые слова, аккуратно снимает с нее футболку, еще долго целует, прежде чем расстегнуть лифчик. Наверное, так оно и было на самом деле. Но, после того как я увидела картинку голой Анжелкиной груди, сюжет, прокручиваемый у меня в мозгу, начал развиваться по собственному сценарию, которого не было в дамских романах. Вернее, был, но очень дозированно. Гораздо в меньших объемах, чем зарисовки про его «сухие горячие губы, приникшие к ее набухшим от возбуждения соскам, стоящим как два бравых солдата любви на белых холмах страсти».

Я видела сцену с изнасилованием. Да-да, в моем кино Кричевский ее насиловал. Хватал за волосы, обзывал, бил по лицу, привязывал к батарее. Она кричала и сопротивлялась, а он, не обращая внимания на вопли, срывал с нее одежду и грубо лапал. В какой-то момент она понимала, что кричать бесполезно. Тогда она становилась отрешенной и покорной. Просто тихо плакала, пока Кричевский ее трахал.

От такой картинки я возбудилась. Очень. Правая рука сама залезла в трусы. Как будто не моя. Раньше я никогда не мастурбировала. Попробовала мять грудь, но быстро сориентировалась и остановилась на сосках. Внутри было сильное напряжение, пальцы уже устали. Не знаю, что управляло мной, ведь я и сама не знала,

чего хочу. Однако интуитивно чувствовала: останавливаться нельзя. И тогда я пошла в ванную. Быстро разделась, легла, раздвинула ноги. Включила душ. Перед глазами — покорная плачущая Варвина. Вода теплая. Мне так хорошо, что я принимаю это ощущение за оргазм, и вдруг — токи по всему телу, ноги ватные, и волны-волны-волны. Прямо в мозг. Сжимается-разжимается. Сжимается-разжимается. Вот это да... То самое ощущение из снов. Самых сладких снов в жизни. Их было всего несколько. Я хочу еще, опять лью воду, но больше не получается. Только писать очень хочется. Но я все равно выхожу из ванной счастливая. Теперь я знаю, что такое настоящий кайф. Более того, я знаю, как его получить.

В последующие дни было несколько попыток достичь оргазма. Смогла раза с третьего или четвертого. Я пока не умела мастерски управлять своим телом. Это были первые шаги.

На выпускном Лешка громко и пошло флиртовал с дылдой в сиреневой занавеске вместо платья, а сам то и дело кидал косяки в сторону Варвиной. В конце концов подошел к ней и с деланной веселостью предложил выпить за дружбу. Было неприятно на это смотреть. Не потому, что я ревновала его к той девчонке из параллельного, а потому, что парень, который мне нравился, выглядел мудаком.

Когда я училась на первом курсе, маман как-то незаметно и скоропалительно вышла замуж за точную копию моего отца — интеллигентского недобитка и чмошника по имени Юра.

Сорокалетний Юра носил усы, работал начальником бюро по стандартизации на том же заводе, что и мама, и никогда не был женат. Зашел к нам в субботу на обед, остался до воскресенья, а в понедельник они с мамой вместе поехали на работу. Такой вот производственный роман.

Наверное, если бы на месте Юры был какой-нибудь гусар и герой, я бы взбунтовалась: мама ведь — моя и всецело принадлежит мне. Но поскольку мамин новоиспеченный муж был замшелым дяденькой а-ля Новосельцев, то я даже обрадовалась его появлению: он мне не конкурент, поэтому пусть будет. Чтобы маме было не так тоскливо, когда я вылечу из гнезда. Короче, мама могла бы с тем же успехом завести собаку. Именно так я поначалу восприняла Юру.

И вообще, мне было не до него. В группе на двадцать пять мальчиков нас было всего три девочки, и я из них — самая красивая. И не только из них, а вообще: я была самая красивая на курсе. Удивительное чувство. Выстраданное и долгожданное. Мои пути с Варвиной больше не пересекались, и я была по-настоящему счастлива.

Нет, мы, конечно, виделись, но только дома, тет-а-тет: поболтали и разошлись. Не среди людей, которым

надо доказывать, что я лучше, ну или, по крайней мере, не хуже. И даже если по привычке меня накрывала зависть, например как в тот раз, когда Анжела демонстрировала норковую шубку, то это чувство отступало, стоило мне только выйти из ее квартиры. Теперь у нас были разные песочницы, и в своей я была звездой.

Мальчики из группы были не ахти какие, но их было много, и все хотели со мной встречаться. Наконец-то я почувствовала, что значит «повышенное внимание», и у меня, как тогда у Варвиной, появился свой «провожатый». Женя Резников. Высокий симпатичный шатен.

После первого месяца «провожаний» мы лишили друг друга невинности. Сначала это было бестолково (он никак не мог попасть), потом больно, а потом я сидела на кухне и плакала.

— Не плачь. Я люблю тебя, — сказал Женя. Он выглядел убитым. Наверное, думал, что облажался. Хотя он тут был ни при чем: просто я все еще любила Орлова и хотела, чтобы на месте Жени был он. Но сколько можно было его ждать?

Орлов время от времени звонил, чтобы сообщить, как у него все прекрасно. Все наши разговоры были похожи. Он говорил:

— Привет. Как дела?

— Привет. Нормально, — отвечала я. — А у тебя?

— А у меня всё — супер! В субботу с пацанами из группы зависали во «Фламинго». Там такие телочки.

Сами готовы отдаться. Да всё вообще супер! А еще у меня взрослая любовница. Так что всё — супер, да!

— Рада за тебя.

— Я тоже рад. Как школу закончили, так жизнь сразу и закипела. А как там Варвина, не знаешь?

— До сих пор сохнешь?

В этом месте Лешка всегда натужно смеялся и отвечал:

— Было бы по кому! Вокруг столько телок — так что могу любую.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Да просто. Любопытно.

— У нее всё нормально.

— Встречается с этим, как его там?

— Встречается. Летом едут вместе на юг.

— Ну-ну. А мы тоже с пацанами в июле на море. Оттопыримся. Телочки опять же.

И так — до бесконечности. Не отпускала его Варвина. Никак. А мне надоело ждать. Поэтому был Женя.

Женя в меня влюбился. У него не было ни единого шанса выпутаться из этой истории: я самая красивая девушка на курсе, я у него первая, и он мне по фиг. Он так явно гордился тем, что мы вместе, так часто и неуверенно меня обнимал на переменах, так старался угодить, что очень скоро стал меня раздражать. Я кокетничала у него за спиной (а потом и на глазах) с другими, он переживал, спрашивал: «В чем дело?», я отвечала: «Ни в чем. Ты о чем?», динамила его, давала, не кончая, но не отпускала.

Да, мы довольно много трахались, но я не испытывала оргазма. Дома, в ванной, — без проблем.

Женя не понимал, что удовольствие получает он один. Его было легко обмануть: пару стонов, и он уже шепчет: «Ты кончила, детка?»

Двадцать четвертое июня две тысячи первого года я не забуду никогда. Восемнадцатилетие Анжелы. Она пригласила своих подружек из группы, Кричевского, несколько его друзей и меня.

С первых же секунд в их обществе я почувствовала себя не в своей тарелке. Это в педе я была крутая и красивая, а тут... Все девушки были модными, раскованными. Иняз, фиг ли. Ребята тоже были модными и все время ржали. Золотые детки города Воронежа. Это я потом поняла, что они обкурились.

Только мы расселись за столом, как входят Анжелины родители.

— Молодежь, не волнуйтесь: мы сейчас поздравим дочку и уйдем, — говорит папа.

— А мы и не волнуемся. Давайте с нами, — великодушничает Кричевский.

— Вот уж зять так зять! Тещу с тестем не обидит! — удовлетворенно скалится мамаша.

— Любимая доченька, мы с мамой поздравляем тебя с совершеннолетием и дарим тебе вот это, — отец протягивает ключи.

Варвина начинает визжать и прыгать как ненормальная. Я еще не понимаю, что происходит.

— Покажи! Покажи! Где она? — скачет Варвина.

— В окно выгляни, — отвечает папа.

Все ломанулись к окну.

— Какая? Какая? — галдят гости.

— Белая «десятка», — гордо заявляет отец.

С криком «Папочка!» Варвина кидается ему на шею и висит там, наверное, минут десять. А я никак не могу прийти в себя. У этой гадины будет машина? Белая «десятка»? Как так?! Почему?! За что?! Песочница, где я была королевой, разваливалась на глазах. Зависть, ненависть, злоба душили с новой силой. Да так, что в школе и не снилось.

— Наташ, ты чего там застыла? Побежали тачку посмотрим! — позвала Анжела.

Все сгрудились вокруг машины, а я стояла в сторонке, думая об одном: когда же это кончится? Когда, наконец, Варвина останется позади? Когда она будет плакать?

Мы вернулись за стол. Сука светилась от счастья. По ходу, все были за нее рады, и только я одна делала вид. Конечно, им легко радоваться. Они такие же, как она. Упакованные, беззаботные, сами либо уже, либо вот-вот на машинах. А я чувствовала себя полным чмом: бедной, плохо одетой, тяжелой. Хотя объективно я была дочкой главбуха, нормально одета, без лишнего веса, просто крупная. На душе было тяжело, вот и вернулось

ощущение собственной тяжести и неуклюжести. Ощущение, знакомое с третьего класса. С того самого дня, как в моей жизни возникла проклятая Варвина.

Я напилась. Не в слюни, но достаточно для того, чтобы развязался язык. Понесла какую-то херь про свой пед и про то, как мы там отжигаем, но, заметив, как две телки хмыкнули и многозначительно переглянулись, заткнулась. Друзья Влада уже вовсю обхаживали девушек. В какой-то момент Кричевский предложил ехать в клуб, и все его поддержали. Я тоже решила: а, поеду! И всем докажу, что я круче! За мной все мужики увиваться будут! Всем докажу! И тут Варвина, хлопая своими пластмассовыми глазами, заявляет:

— Наташ, а ты в этом поедешь?

— А что?

— Хороший у тебя костюмчик, но не для клуба. Давай я тебе какой-нибудь топ подберу, вместо пиджака, а? А хочешь, платье? Ты, конечно, больше, чем я, но я подыщу что-нибудь мамино. Она у меня модная.

— Нет, спасибо. Я передумала. Совсем забыла, что меня Женька ждет. Женька! Мой парень! — я заставила себя засмеяться.

Услышав, что я не еду, все вздохнули с облегчением. Им тоже было тяжело со мной, так же, как и мне с ними. Два мира: один — легкий, веселый, пустой, и второй — мрачный, увязший в комплексах, сложный.

Я прибежала домой, пьяная и зареванная. Мама не заметила ни того ни другого.

— Как Анжелочка? — спросила она.

Опять эта Анжелочка! Именно Анжелочка, и никак иначе! Почему-то она — всегда Анжелочка, а я — Наташа. Даже для собственной матери.

— Нормально. Что ей сделается?

— Ты не в настроении. Случилось что?

— Ничего! — я повернулась, чтобы пойти к себе.

— Постой. Мы с Юрой хотим тебе что-то сказать. У тебя будет брат. Или сестра.

— В смысле?

— Я жду ребенка. Сегодня врач подтвердил.

Моя мама беременна каким-то другим ребенком? Нет! Я не хочу! Это самое ужасное, что я когда-либо слышала.

— Как?! Ты же старая!

— Дочка, мне всего сорок лет, а тебе пора бы быть тактичнее.

— Ты меня не любишь?

— Дурочка. Конечно люблю.

Я ей не поверила.

— Любила бы — не захотела бы другого ребенка!

— Не другого, а второго. Дети — не взаимозаменяемы, поверь мне.

Я лежала у себя в комнате и ненавидела Варвину, маминого нового ребенка, Юру. Юра! Это он во всем виноват! Мерзкий гадец! Прикинулся конченым задротом, а сам мать мою обрюхатил. Что же делать? Что делать? Господи, помоги! Я провалилась в сон.

Решение пришло утром. Простое и верное. Надо только подождать до следующей субботы, когда мама уедет на планерку для руководства. По субботам она ездила на завод одна, потому что Юра — не руководство.

Неделю я прожила, смакуя свой план. Присматривалась к мужику, который теперь стал инструментом. С его помощью я собиралась избавиться от конкурента в мамином животе. Наблюдение показало, что Юра — человек безотказный и совестливый. Лучше не придумаешь: сначала не откажет, а потом во всем признается. По совести.

Мама выехала в восемь утра. Юра спал. Я вошла к нему уже голая. Легла на него. Спросонья он даже не понял, что происходит, а я уже засовывала ему в рот свой сосок.

— Наташа? — он попытался меня отпихнуть. Я прижалась сильнее. Он был без трусов. У него стоял. Я еще раз вложила ему в рот сосок. Больше он его не выплевывал.

Как ни странно, я очень возбудилась. Красивого молодого Женю не хотела, а от этого потертого рыжеусого уебана текла. От него или от ситуации.

— Что мы делаем? — задыхаясь, спросил он.

Я встала раком, и на этом глупые вопросы закончились.

После всего Юра не мог мне смотреть в глаза. Обернувшись простыней, побежал в ванную. Сидел там, наверное, целую вечность. Вышел по стеночке и куда-то

свалил. Ну и хорошо. Я легла на дно ванной и привычно кончила.

— А Юры нет? — спросила мама, когда вернулась.

— Нет.

— Он не говорил, куда пошел?

— Мы переспали.

— Что?!

— Мы переспали. Я и Юра.

У мамы был такой испуганный вид, что я сама испугалась. Потом она почему-то рассмеялась:

— Это у молодежи сейчас такие шутки, да? Вы так по-идиотски шутите?

— Нет. У него небольшой член. Немного зауженный, когда стоит. Конус. И там, — я в упор посмотрела на мать, — он шатен. Усы рыжие, а волосы на лобке — русые.

— Ты могла случайно увидеть!

— А когда кончает, покрывается красными пятнами.

— Дура! — мама замахнулась на меня, но ее рука безвольно повисла, и она разрыдалась.

Она плакала долго, трясясь всем своим большим телом за кухонным столом. Даже Юре не звонила. Мне поверила.

Когда он пришел, я оставила их одних. Пошла прогуляться. Хотя, когда на душе кошки скребут, не прогуливаются. Скорее, мечутся. Вот и я металась. От ужаса, от омерзения, от непонимания того, что будет дальше.

Дометалась до того, что позвонила Лешке.

— Леш, мне так плохо, — сказала я в трубку единственного на весь проспект телефона-автомата. Мобильники были еще не у всех, а автоматы уже убрали.

— Что-то случилось?

— Семейное. Ты где?

— Дома.

— Выйдешь?

— Я один. Хочешь — заходи.

Когда я его увидела, то вдруг подумала: мы обязательно должны быть вместе. Именно с этого момента. И не на раз, а насовсем. С ним я успокоюсь. С ним закончится весь этот кошмар: всегда первая Варвина, рыдающая беременная мама, Юра с рыжими щекочущими усами, я — никому не нужная чмошница.

— Что случилось? — спросил Лешка.

— Мама беременна. У тебя выпить можно?

— Можно — предки будут поздно. Но нечего.

Содержимого его и моих карманов хватило на бутылку портвейна. Я почистила, а он пожарил картошку и разогрел котлеты.

— Мне херово, — после первой рюмки сказала я.

— Мне тоже.

— Тебе-то что?

— Варвина.

— Понятно. Наливай.

Когда портвейна осталось меньше полбутылки, я спросила:

— И что ты в ней нашел? Она же дура.

— Дура, — согласился Лешка. — Дура и овца. Но к ней тянет. Понимаешь?

— Нет. А я красивая?

— Красивая.

— А ты бы мог влюбиться в меня чисто теоретически?

— Чисто теоретически — мог бы, а практически...

Я не дала ему договорить. Подняла свитер, опустила лифчик. Спросила:

— Красивые, правда?

— Очень.

— Потрогай.

— Ты серьезно?

— Поцелуй.

— Пошли в комнату.

Лешка стал раздеваться, в какой-то момент посмотрел на меня, и я поняла: он не будет медленно и красиво снимать с меня одежду. Разделась сама.

Лешка почти сразу вставил, быстро кончил и пошел на кухню.

— Бутерброд с колбасой будешь? — прокричал он оттуда.

— Буду.

— Тогда одевайся и выходи. Надо допить, а то предки скоро приедут.

Я сидела на кухне как оплеванная.

— Леш, зачем ты меня трахнул?

— Ты же сама хотела.

— Да, но не так!

— Как «так»?

— Как шлюху.

— Да хватит тебе. Шлюх трахают по-другому.

— Как по-другому?

— Веселее, — рассмеялся Лешка. — А у нас с тобой был чисто дружеский секс.

— Тебе со мной было плохо?

— Не, нормально. Не парься.

— Ты меня больше не уважаешь?

— Вот только давай без этого, а? — уже раздраженно сказал Леша. — Не разводи на ровном месте мудянку. Знал бы, что ты такая мнительная, ни за что бы не подписался.

— Я тебя не узнаю.

— Я сам себя не узнаю.

— Когда ты стал таким?

— После одного случая.

— В одиннадцатом классе с Варвиной?

— Ты в курсе?

— Немного. Но я не знаю подробностей.

— Я был еще девственник, но любил ее так, что готов был смотреть на нее часами и молчать. Однажды она позвала меня к себе. Мы целовались. Она позволила прикоснуться к себе. Я стал ласкать ее как умел. Я не верил своему счастью.

— Ты ласкал ее везде?

— Да. Когда я целовал ее туда, она вдруг ни с того ни с сего поднялась и попросила остановиться. Я спросил: «Что-то не так, девочка моя?» А она как подскочит, как закричит: «Какая я, на фиг, твоя? Ты себя в зеркало видел?» Потом она, конечно, извинилась. Сказала, что была неправа. Но я никогда не забуду ее лица. В нем было столько презрения. Как будто грязный свинопас дотронулся до принцессы. После этого я стал ебать все, что движется.

— И ты до сих пор ее любишь?

— Еще сильнее.

Это «еще сильнее» было как удар под дых. Лешка, мой Лешка, о котором я столько мечтала, которого так любила, только что со мной переспал и уже через минуту опять бредит Варвиной. Как же так? Надо что-то делать! Он должен понять, что я лучшая: самая красивая, самая сексуальная, что так хорошо, как со мной, ему не будет ни с кем.

Я потянулась к его ширинке.

— Наташ, ты чего?

— Я хочу тебя еще.

— Сейчас родители приедут. Надо со стола убрать.

— Нет, потом. Я хочу тебя.

— Перестань! — Лешка отстранился и принялся составлять посуду в раковину. — Бутылку надо выкинуть. Выбросишь в мусоропровод, когда пойдешь?

— А презерватив не выбросить?

— Да, кстати! Молодец, что напомнила. Настоящий друг!

Лешка метнулся в комнату, а через несколько секунд из туалета раздался звук смываемой воды.

— Палево устранено. Вот, забери с собой, пожалуйста, — Лешка протянул пакет с пустой бутылкой.

— Мне пора?

— Ну, вообще-то да. Извини. Предки.

— Позвонишь?

— Конечно! Мы же друзья!

Совсем не так я представляла наш первый раз. Я чувствовала себя использованной, хотя объективно никто меня в постель не тащил. Я сама. Но я-то хотела, чтобы Лешка воспринял меня как подарок, а вышло, что он просто трахнул то, что подвернулось под руку, само напросилось. Трахнул и тут же заговорил о той, которая его действительно волнует. О Варвиной. Хуже быть не может, подумала я, но вспомнила о том, что ждет меня дома, и поняла: может.

Домой я шла как на Голгофу. Было ужасно стыдно. Не представляла, как посмотрю маме в глаза. Не представляла, но надеялась, что она обвинит во всем Юру и сделает аборт. И снова будет мамой — холодной, деловой, вечно работающей, но только моей.

Она ждала меня на кухне. Одна. Уже не плакала. Спросила:

— Зачем ты это сделала?

— Это не я. Это он.

— Не ври. Зачем?

— Но он же повелся! Твой муж переспал с твоей дочерью! Ты разве не понимаешь, насколько это ужасно?

— Понимаю. Но не то, что он с тобой переспал, а то, что ты на него залезла.

— Он мог бы меня прогнать! А он не прогнал! Он извращенец! Педофил!

— Не ори. Если кому из нас двоих и орать, то мне. Юра — не педофил. Прости, но на нимфетку ты никак не тянешь.

— Ты хочешь сказать, что я толстая?

— Я хочу сказать, что ты восемнадцатилетняя деваха с формами и аппетитами разнузданной тридцатилетней тетки.

Эти слова стали последней каплей. Я заревела.

— Давай без истерик. Надо решить, как жить дальше.

— Ты с ним разведешься?

— Нет. Мне очень больно и обидно, но я постараюсь его простить. Ради ребенка.

— Что?! Ты хочешь сказать, что после всего того, что случилось, ты оставишь ребенка?

— После того, что случилось, я тем более оставлю ребенка. И уж его-то постараюсь вырастить нормальным человеком, раз тебя не получилось.

— Но я нормальная! Нормальная! Не видишь, что ли?! А если ненормальная, то это ты виновата! Ты! Ты меня такой воспитала!

— Перестань реветь и послушай. Сегодня Юра переночует у себя, а с завтрашнего дня ты поживешь у отца. Очень надеюсь, что ты не выйдешь из берегов.

— Но я не хочу у отца! Не хочу! Не хочу! Он мне чужой! Я хочу с тобой! — Я глотала слова, захлебывалась в рыданиях.

— Раньше надо было думать. С твоим отцом я обо всем договорилась. Содержать буду вплоть до окончания института. На этот счет можешь не беспокоиться. Всё, я очень устала. Иду спать.

— Но мама!

— Я действительно очень устала. Спокойной ночи.

Я долго плакала. Потом заснула. В девять меня разбудила мама:

— Поднимайся. Отец приедет через час. Собери необходимые вещи. Если что забудешь, я потом передам.

— Мам, может, не надо? Я же твоя дочь. Зачем ты так со мной?

— А ты зачем так со мной?

— Я не хотела.

— И я не хочу. Но другого выхода пока не вижу.

Папенька был не сильно рад нашему с ним воссоединению. Я уже потом поняла почему: взрослая дочь на одной жилплощади создает значительные неудобства в сексуальной жизни. Хотя, казалось бы, какая сексуальная жизнь может быть у худосочного носатого уебана чуть за сорок, без денег и без харизмы? Удивительно, но может. Причем не хуже, чем у местных коммерсов. Те пялили студенток, и папа тоже пялил студенток. Своих. Он преподавал психологию в универе, и ему давали. Не за оценки. За велеречивость. Папенька

уверенно сидел на ушах моих ровесниц. Умел казаться им опытным, загадочным и разочарованным. Фауст, блин! Видели бы они его на кухне, в задолбанных семейниках. Знали бы, что у их обожаемого Николая Петровича — одна пара трусов и две пары носков на выход, которые он стирает не в машинке, а в тазу. Шампунем. И аккуратно срезает с них катышки. Маникюрными ножницами.

Сначала мое внимание привлекли загадочные трусы, а уж потом я все поняла про студенток.

На третий день нашего совместного проживания папенька пришел поздно и замочил трусы. На следующий день он их аккуратно прогладил утюгом, сложил и убрал в шкаф. Одну пару. Меня это заинтриговало, и, когда отца не было дома, я посмотрела, что же это за трусы такие, которые требуют к себе повышенного внимания. Обычные боксеры. Серые.

И этот человек преподает психологию... С таким отношением к собственному исподнему ему самому требуется помощь квалифицированного психолога или даже психотерапевта. Тогда я решила, что папенька малость не в себе. А вечером все стало понятно, когда он заявил:

— Наташ, ко мне через час аспирантка зайдет. Будем работать над диссертацией. Ты не могла бы тихонечко посидеть у себя? А то тема сложная. Если мы будем отвлекаться на посторонние звуки, боюсь, ничего не сделаем.

— Хорошо, пап, — ответила я.

И папенька прошагал в ванную со взятыми с полки наглаженными труселями.

А потом к нему пришла девушка. По голосу — юная. Я слышала хлопок пробки, смех, потом — несколько дурацких песен «Скорпионз», душ, снова душ, потом чайник, потом разговор, потом щелчок замка.

— Не спишь? — заглянул папенька.

— Вы позанимались?

— Да. Спасибо.

— Не за что.

Мой отец трахается. Удивительно: внешне — задрот задротом, а туда же. Прикольно. Я даже прониклась к нему некоторым уважением.

После того визита юной незнакомки папенька совсем стыд потерял, и серые трусы мокли в тазу каждый вечер, а до этого мне приходилось отсиживаться в комнате под одни и те же завывания «Скорпионз». Однажды подумалось: сколько пар на свете, угораздило же родиться именно у этой — асексуальная главбухша в огромных хлопчатобумажных труселях и препод-ебарист в замоченных в шампуне боксерах. Полный сюрр!

Как-то отец позвонил ближе к вечеру:

— Ко мне студентка должна зайти. Над курсовой поработать. А у нас, как назло, ученый совет. Ты ее впусти, чаем напои, пусть подождет, хорошо?

— Без проблем, пап.

Студентку звали Света. Она была некрасивой: вся какая-то мосластая, мясистая и сильно промокшая. Из-за ливня.

— Чай будешь? — спросила я.

— Нет, спасибо, — гостья заметно смущалась.

— Ты на каком курсе?

— На втором.

— На психфаке?

— Нет, на филфаке.

— Филфак — это РГФ?

— Нет, филфак — это филфак. На РГФ блатные учатся, а я из области.

— Откуда?

— Из Хохла. Село такое. Большое.

Я посмотрела на ее ладони. Они тоже были большими. От них веяло трудом и тупой крестьянской покорностью. Я вгляделась в ее лицо: тоже тупое и покорное. Угреватое. В тот момент я ее захотела. Вот так просто. С порога. Захотела тупую покорную девку.

Все остальные фразы я произносила на автомате:

— Ты промокла?

— Есть малость.

— Тебе надо выпить, а то простудишься.

— Я вообще-то на занятие пришла.

— Ты не пьешь?

— Пью, конечно. Мы у себя в Хохле самогон только так хреначим.

— Отец нескоро будет. Выпей. Выветрится. — Я полезла в шкаф и достала оттуда початую бутылку армянского коньяку. — Я тоже выпью.

Света покорно приняла рюмку из моих рук. Потом еще одну. Потом еще. Именно эта покорность меня в ней так возбуждала.

— Да у тебя вся одежда мокрая! Снимай и иди в ванну, погрейся, а я тебе подберу что-нибудь свое.

— Да нет, мне нормально.

— Не чуди.

— Неудобно как-то.

— Неудобно перед преподом в мокром платье сидеть. Раздевайся.

— Где?

— Прям здесь.

Она стянула через голову платье. У нее было некрасивое тело: белое, рыхловатое. Колени, словно вырубленные топором. Грубая кожа на локтях. Волосы, торчащие из черных синтетических трусов. Небритая. Неухоженная. Несимпатичная. Мне это понравилось.

— А где у вас ванная?

Я поняла, что она не хочет при мне снимать белье, и настаивать не стала.

— Прямо по коридору.

В ванной не было шпингалета. И шторки для душа тоже не было. Я зашла с полотенцем в руках и сразу воткнулась взглядом в белую целлюлитную жопу. Захотелось по ней ударить. Света обернулась, прикрыв грудь руками.

— Я принесла полотенце и халат.

— Спасибо.

Она потянулась, чтобы закрыть кран.

Духу не хватило, чтобы к ней прикоснуться. Но картинка ее задницы, по которой я луплю, еще долго стояла у меня перед глазами во время мастурбации.

А папа просто пришел и выебал очередную тупую студентку.

Постепенно случай с Лешкой затерся. Я снова стала думать о нем, а не о том, как унизилась в тот вечер. Женя очень помог. Его преданные глаза и сбивчивые признания меня реабилитировали: я вновь почувствовала себя красоткой. Мама не звонила, и это тоже пошло мне на пользу. Я забыла и про нее, и про Юру, и про их щенка. Все было хорошо.

Между количеством телок в постели отца и моим к нему уважением нарисовалась прямая зависимость: больше телок — больше респекта.

Однажды пришла студентка, а «Скорпионз» все не включали и не включали. Под дверь отцовской спальни меня привело исключительно любопытство. Я услышала, как девушка плачет и говорит: «Я люблю тебя», а папа отвечает: «Инночка, милая, ты очень хорошая девочка, но я тебе ничего не обещал». И тогда я поняла: на месте этой Инночки должна быть Варвина. Это она должна плакать и слышать от моего отца, что он ей ничего не обещал. Именно от моего отца. Так будет правильно. И справедливо. Долж-

на же эта сучка хоть раз в жизни почувствовать себя униженной и ненужной.

Я позвонила ей в пятницу, предварительно убедившись, что вечер у отца свободен от «занятий».

— Ой, привет! Ты куда пропала? Я по тебе соскучилась, — пропела в трубку Анжела.

— Я теперь у отца живу.

— Да-да, я в курсе. Твоя мама мне сказала. Я собиралась тебе позвонить, но мы с Владом сорвались на турбазу.

Это очень по-варвински: «Я по тебе соскучилась, собиралась позвонить, но было не до тебя».

— Я тоже по тебе соскучилась, — выдавила я из себя.

— Прогуляемся?

— Может, ко мне заедешь? У меня папаша — либерал. Коньячку нальет.

— Так я ж за рулем.

Вот тварь! Непременно надо подчеркнуть, что у нее есть тачка!

— А ты приезжай на маршрутке.

— Тогда уж мотор поймаю.

Сучка избалованная, подумала я, а вслух сказала:

— Ну, или так. Записывай адрес.

В этот раз она убила меня часами. Часы были золотые, с маленькими беленькими камешками.

— Фиантиты? — с надеждой спросила я.

— Не, брюлики. Папа из Франции привез, — снисходительно улыбнулась Варвина. — А я татуировку сделала. Хочешь посмотреть?

Не дожидаясь ответа, она сняла джинсы. Вернее, одну штанину. На ней были кружевные белые трусики.

— Вот, смотри! Пипец, как больно было! — Варвина поставила на стул точеную загорелую ножку.

На внутренней стороне бедра красовалась маленькая кошечка с выгнутой спинкой. Мультяшная и гибкая. Как сама Анжела.

Мне захотелось ее ударить. За то, что у нее такая красивая бронзовая кожа, за то, что такого кипельно-белого белья я не видела ни у кого, за то, что ей удивительно шла эта проклятая кошечка, наконец.

— Пошли на кухню, — сказала я. Пришло время выстрелить из своего самого большого ружья. Папа.

— Па! — прокричала я из кухни. — Выйди на минуточку!

Отец не любил, когда его тревожили, поэтому вышел с недовольной рожей. И тут же осекся. В своей квартире, интерьер которой подходил под определение «бедненько, но чистенько», он еще никогда не видел такой стильной и холеной кошечки. Тупых страшных Светочек — сколько угодно, влюбленных Инночек со среднемиленькими фигурками — тоже, а вот «стильно, дорого и красиво» — это впервые. На фоне убогого совдеповского гарнитура из ДСП Анжела смотрелась как колибри, по ошибке залетевшая в курятник.

— Пап, ты помнишь Анжелу Варвину?

— Ну конечно. Ты стала такая красивая, Анжела, — не мигая, проговорил отец.

— Спасибо, Николай Петрович.

— Неужели ты помнишь, как меня зовут?

— Не помню, а знаю. Вы же у нас психологию преподаете.

— У вас? Вряд ли. Я бы тебя обязательно запомнил.

— Не прям у нас, а в нашем универе. Психология на втором курсе, а я только первый закончила.

— Ну да, ну да, — пролепетал папенька.

С самого начала все пошло совсем не так, как я задумала. Отец повел себя не как циничный соблазнитель, а как похотливый, но стесняющийся своей похоти мудак. Много суетился, смущенно потирал кончик носа, называл Варвину Анжелочкой, сгонял в магазин за дорогим коньяком и шоколадом. Вылитый Кевин Спейси из «Красоты по-американски». Отвратительно.

Хуже всего, что сучка влет просекла, что папашка на нее запал, и откровенно наслаждалась своей властью. Потягивалась, выгибая спину, проводила наманикюренным пальчиком по тонким губам, псевдоукрадкой бросала на него взгляды и псевдосмущенно отводила глаза, не забывая при этом лукаво улыбаться. Все это вылилось в то, что родитель поперся ее провожать, а вернувшись, завалил меня как бы невзначай заданными вопросами. А кто у Анжелочки родители? А есть ли у нее мальчик? А как давно она с ним встречается? А чем увлекается? На этом «чем увлекается» я не выдержала:

— Да ничем она не увлекается! Пустая как пробка. Не видишь, что ли?

— Что с тобой, дочка? Ты как с цепи сорвалась. Анжелочка — очаровательная девушка. Я бы на твоем месте постарался у нее перенять хотя бы толику обаяния.

Спать я ушла в бешенстве. Оно и понятно: это Анжелочка у нас — само совершенство, а я же — с цепи сорвалась.

На следующий день у отца появился мобильник, а к концу недели — новые джинсы, три понтовые футболки, светлые мокасины и модная стрижка. А девки исчезли. В выходные нас снова посетила Варвина.

То, что придет именно она, я поняла еще в субботу утром, когда, открыв холодильник, увидела там ананас, груши, коробку молочного шоколада, банку красной икры и две бутылки шампанского.

— К нам сегодня твоя подружка зайдет, — сообщил сияющий папашка.

— Да? Странно. А мне она ничего не говорила.

— Ну, вообще-то, она ко мне. Я ей книжки по психологии обещал. Удивительная девочка. Такая увлекающаяся. Пока ее провожал, немного поболтали о психологии, и она сразу же загорелась почитать что-нибудь по теме.

— Подумаешь, — хмыкнула я.

— Не скажи. Вот ты бок о бок живешь с кандидатом психологических наук, а хоть бы раз поинтересовалась содержимым моего книжного шкафа. Ты даже не в курсе, на какую тему у меня диссертация.

— Меня это не особенно интересует.

— Что и требовалось доказать. Тебя вообще мало что интересует. В отличие от Анжелочки.

— Папа! Да как ты не видишь! Она же просто с тобой кокетничает! Ей твоя психология до фени!

— Думаешь? — отец чуть ли не подпрыгнул. — Думаешь, она действительно со мной кокетничает? Нет, этого не может быть. Я для нее слишком стар и слишком сер. Или все-таки?..

— А для остальных своих телок ты не слишком стар?

— Не знаю, что ты там себе нафантазировала, но со своими студентками я действительно занимаюсь психологией, и ничем иным. И не вздумай Анжелочке на меня что-нибудь наговорить.

— Ты меня разочаровываешь, — сказала я и вышла из кухни.

Тоже мне — кандидат психологических наук! Какая-то вертихвостка без единого усилия вогнала его в комплексы: слишком стар, слишком сер. Тьфу!

Мне Варвина так и не удосужилась позвонить и сказать, что зайдет. Я назло осталась дома в роли третьего лишнего. Впрочем, ни папашке, ни этой сучке мое присутствие не помешало. Все повторилось: он суетящийся и смущенный, она флиртующая, не потому что запала, а просто по приколу.

Отец опять потащился ее провожать, а вернувшись, полночи слушал романтические баллады. И это — в сорок два года.

Теперь он ходил с телефоном даже в туалет, часто бывал печален, а как-то раз спросил, нет ли у меня случайно Анжелиной фотографии. А эта самая Анжела тем временем укатила с Кричевским на юг. Конечно же, я сказала об этом папашке, на что тот отреагировал неадекватно. Прокричал:

— Не смей говорить о ней гадости!

— Девушка поехала отдыхать со своим молодым человеком. В чем гадости-то?

— Они уже не встречаются!

— Это она тебе сказала?

— Нет, прямо не сказала, но так на меня посмотрела, что я все понял.

Тогда до меня дошло: мой отец окончательно спятил, и я еще сильнее возненавидела Варвину. В отместку решила развести ее с тем, кто ей действительно нравится, — с Кричевским.

Варвина вернулась в середине августа. К тому моменту папашка весь извелся. В этот раз она позвонила не ему, а мне.

— Я заеду. Верну твоему отцу книжки и привезу тебе фрукты. Южные.

— Заезжай.

Узнав о предстоящем визите ее высочества, папенька на целый час заперся в ванной. Вышел оттуда намытый, набритый, благоухающий и помчал в магазин, а меня попросил убрать в квартире. Как домработницу. Было обидно, но я убрала.

Мне сильно упростило задачу то, что Варвина по привычке бросила сумку в коридоре и не взяла с собой на кухню мобильник. Пока они болтали с отцом, я спокойно туда залезла и переписала телефон Кричевского.

В этот раз папашка вел себя более-менее сносно. Видимо, взял себя в руки. У него даже получалось время от времени остроумно шутить и не терзать кончик собственного носа. Кажется, Варвиной это понравилось, и она стала бессовестно кокетничать. Настолько оборзела, что поправила моему отцу волосы. Тот растекся, как сиропная сопля. Стало противно, и я вышла на балкон. Стояла, смотрела на небо и думала о Лешке. Я всегда о нем думала, когда было хреново.

Вернувшись на кухню, я застала их целующимися. Не думала, что Анжела позволит ему так далеко зайти. Видимо, папашка не растерял навыки ловеласа. Плюс шампанское подействовало.

Я вышла и позвонила Лешке:

— Твоя распрекрасная Варвина мутит с моим отцом.

— Гонишь!

— Нет. В данный момент они целуются на кухне.

— Не верю.

— Приезжай и сам убедись.

— Давай адрес.

Орлов позвонил в дверь через сорок минут. К тому моменту Анжела и папашка уже отлепились друг от друга, ограничившись тем, что обменивались много-

значительными взглядами. Я совершенно сознательно им мешала.

— Она еще у вас? — прошептал с порога Лешка.

Я кивнула и прокричала:

— Анжел, прикинь, кто пришел! Орлов!

Мы уселись за стол. В обществе Лешки Варвина заметно сникла, а тот не отрываясь смотрел на нее и в конце концов решился:

— Анжел, пойдем на балконе постоим.

— Зачем?

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— А здесь нельзя?

— Это личное.

— Ну пошли. — Сучка нехотя встала, вильнув тощим задом.

Когда они вышли, отец недовольно зашипел:

— Это еще кто? Кого ты сюда привела?

— Наш одноклассник.

— Зачем он здесь?

— Зашел по делу. Что, нельзя?

— Почему именно сейчас?

— А что? Мы помешали вам сосаться?

— Что ты несешь!

— Я все видела!

— Подумаешь, видела! Не суй нос не в свое дело!

— Как это не в свое? Ты мой отец, она моя подруга.

— Никакая она тебе не подруга. Думаешь, я не замечаю, как ты ее ненавидишь?

— Неправда!

— Кого ты пытаешься обмануть: меня или себя?

С балкона Лешка вернулся зомбированным. Глуповато улыбался, заглядывал в рот принцессе и выглядел при этом абсолютно счастливым. Варвина тоже была довольна: прошло время, а школьный провожатый так и не смог выкинуть ее из головы. Тупо приятно. Сучка без зазрения совести флиртовала то с моим папашкой, то с Лешкой, еще и успевала строчить Кричевскому эсэмэс. Когда она встала из-за стола, отец подорвался:

— Я провожу.

— Зачем? — возразил Орлов. — Я тоже ухожу. Я и провожу.

— За мной уже Влад приехал, — невинно улыбаясь, заявила Варвина. — Всем пока.

И ушла. А мы остались сидеть как оплеванные: Лешка и отец — потому что им дали надежду, а потом забрали, а я — от осознания того, что гребаная Анжелочка нравится мужикам гораздо больше, чем я. Непонятно почему.

Наутро я поняла, что отец сдаваться не собирается: он позвонил Варвиной и пригласил в кино. Она согласилась. Оставалось только выяснить, в какой кинотеатр попрутся Гумберт-Гумберт Воронежского уезда и перезревшая Лолита.

— Вы в «Спартак» или в «Пролетку»? — спросила я.

— В «Спартак». Как думаешь, какую футболку надеть?

— Синюю.

— Значит, зеленую.

— В смысле?

— В смысле, я не в восторге от твоего чувства стиля, поэтому воспользуюсь принципом «от противного».

Я не стала отвечать на хамство грубостью, а просто позвонила Кричевскому, когда папашка вышел из квартиры.

— Привет. Это Наташа.

— Какая Наташа?

— Подруга Анжелы. Ее одноклассница.

— А-а-а, привет.

— Ты, наверное, удивлен моему звонку?

— Да не особо.

— Я хочу поговорить об Анжеле.

— Я догадался.

— У нее роман с моим отцом.

— Что за бред?

— Это правда. Сейчас они пошли в «Спартак». Если ты туда подъедешь, ты их там встретишь. Только не пытайся выяснить все по телефону. Она тебе соврет, а из кинотеатра свалит. Так что, если тебе нужна правда, просто подскочи в «Спартак».

— Я тебе не верю.

— Дело твое, — ответила я и положила трубку.

Я была уверена: Влад поедет в кинотеатр. Но когда отец заявился ближе к полуночи, счастливый и глупый, я подумала, что с Кричевским облом вышел.

А через несколько дней стало понятно: никакого облома не было и Влад действительно видел Варвину с моим отцом.

Она приехала без звонка. Была очень расстроена. Спросила:

— Покурю?

— Кури.

— Мы с Владом расстались.

— Как? Почему?

— Не знаю. Он не отвечал на звонки и на эсэмэс. Я позвонила ему домой. Мама сказала, что Влад уехал в Москву. Я ему написала: «В чем дело?» Он ответил: «Между нами все кончено. Удачи». Не понимаю почему. Может, ему на меня наговорили? Но кто?

В этом «может, наговорили?» была вся она. Флиртовать напропалую, сосаться по пьяни с отцом подруги и при этом считать себя несправедливо оговоренной умеет только Варвина. Так любить себя — это талант.

— А может, он тебя с моим отцом видел? Или с кем-нибудь еще из твоих воздыхателей?

— Вряд ли. А даже если и видел, неужели нельзя все выяснить? Я же ему не изменяла.

— Не изменяла? А целоваться на кухне со старпером — это не измена?

— Нет конечно. Мы же не трахались. И твой отец — не старпер.

— Старпер-неудачник.

— Вообще-то он прикольный.

— Ты могла бы в него влюбиться?

— Влюбиться — нет, а вот ненадолго попасть под обаяние — вполне. Мне он кажется очень искушенным.

Я вспомнила трусы в тазу и промолчала. Хотя мамин Юра — ничем не лучше, но я же с ним переспала.

— Что делать думаешь? — спросила я.

— Не знаю. Но названивать и унижаться точно не буду. Нет так нет, — ответила Варвина. Однако выглядела при этом несчастной. Было видно: переживает.

Потом пришел отец. Она держалась с ним холодно. Он занервничал и начал перед ней лебезить, по-собачьи заглядывая в глаза. Смотрелось это жалко.

— Я, пожалуй, поеду, — задумчиво, словно бы она была не с нами, проговорила Варвина.

— Я провожу тебя, — сказал отец.

— Я на машине.

— Я провожу тебя до машины.

— Как хочешь, — высокомерно пожала плечами сучка.

Отец отсутствовал не больше пяти минут. Значит, Варвина села в машину и укатила, не удостоив его разговором.

— Ты не знаешь, что у нее случилось? — спросил отец.

— Кричевский бросил.

— Не может быть. Таких, как она, не бросают.

— Еще как бросают. И правильно делают.

— Наверное, она сама его бросила и теперь ей просто его жаль.

— Не думала, что мой отец — сама наивность. Может, ты еще и надеешься, что она бросила Кричевского из-за тебя?

— Может, и надеюсь. Но это не твое дело, — отчеканил папашка.

До конца вечера он проходил королем.

Варвина стала бывать у нас чуть ли не каждый день, но в отцову спальню не заглядывала, предпочитая вести с ним долгие беседы на кухне. Старый влюбленный дуралей нафантазировал себе, что она к нему неровно дышит, хотя на самом деле ей всего-навсего было тошно одной, а страдать в компании беззаботных и богатеньких подружек не представлялось возможным. Там бы этого не поняли.

Анжела долго мурыжила моего отца и только после начала занятий в универе наконец-то его собой осчастливила. Они весь вечер где-то прогуляли, потом выпили на кухне, не пригласив меня, а потом заперлись у него в комнате. Я ждала час, два, три, но заветного щелчка замка так и не услышала. Раньше на ночь у нас никто не оставался. Папашка имел привычку деликатно выпроваживать своих телок после соития.

Я не выдержала и подошла к двери. Они разговаривали, но так тихо, что не разобрать, о чем. Я слышала только интонации: ее — чуть капризную, его — ласковую. Никогда не думала, что отец может быть

таким ласковым. Даже когда я была маленькой, он не удостоил меня своей нежности. А ее не то что удостоил, с ней он просто не мог по-другому.

К завтраку она нагло вышла в его футболке. Была явно не в духе. Наконец-то и ей довелось испытать, каково это: любить одного, а трахаться с другим. Отец носился с ней как с писаной торбой: закрывал окно, чтобы не дуло, открывал, чтобы было не жарко, побежал за сигаретами, но принес еще и цветы и свежие булочки.

— Я не ем булки, — заявила сучка.

— А чего бы ты хотела? — спросил отец.

— Я дома позавтракаю.

— Ты не останешься? Сегодня же воскресенье. В кино сходим или просто погуляем.

— У меня дела.

Отец сник и до ее следующего визита, который случился только через неделю, проходил как в воду опущенный. А после одного звонка резко воспрянул духом, придя в состояние нервической веселости.

Я решила ее уесть. Женей. Молодым, красивым, по уши в меня влюбленным. На его фоне мой отец смотрелся проигрышно. Как заветревшийся яблочный огрызок рядом с большим сочным яблоком. Это будет мой звездный час, подумала я, и позвала своего Керубино.

Дура. Стоило ему увидеть Варвину, как он сразу же встал в стойку. А еще говорят, что влюбленный не за-

мечает никого, кроме объекта своей страсти. Накануне мой Женечка смотрел на меня чуть ли не слезящимися от умиления глазами, а оказавшись за одним столом с ней, забыл о моем существовании. Это заметили все: и я, и Варвина, которая не преминула с ним пококетничать, и папашка. Папашка особенно. Принялся всячески подкалывать Женю, пытаясь выставить его в глазах своей ненаглядной Анжелочки придурком. Но Анжелочка сама была невеликого ума, а мой мальчик ей понравился, поэтому потуги отца остались без внимания. Зато ее плохое настроение как рукой сняло. Сучка заметно оживилась. «А где ты учишься?», «Катаешься на роликах? Надо же! И я там. Странно, что мы до сих пор не пересеклись», «А какой лучше антивирус поставить?», «Мы с Наташей еще в школе подружились. Она была отстающей по английскому и ходила ко мне заниматься». И всё в таком духе.

Я уже триста раз пожалела, что притащила Женю. Оставалась одна надежда: Варвина сегодня не уедет, и тогда Женя убедится, что она — заурядная дешевка, которая трахается со старым мужиком. Конечно, он это и так понимал, но одно дело понимать, а другое — увидеть собственными глазами, как Анжела и мой папашка закроются в спальне.

Змеюка оказалась хитрее.

— Ну, мне пора, — заявила она и, красиво изогнувшись, вышла из-за стола. Изогнулась так, что даже у самого безнадежного импотента встал бы.

— Останься, — сказал отец.

Это «останься» получилось каким-то просительным, даже умоляющим. Казалось бы, всего одно слово, но, произнесенное с определенной интонацией, оно может сразу дать понять, ху из ху, кто любит, а кто позволяет.

— Не могу, — хамски улыбнулась Варвина. — Я завтра с утра на роликах, у меня с собой снаряжения нет.

— А может, утром заедешь домой и все возьмешь? — не унимался отец.

— А может, ты не будешь на меня давить?

— Я тебя провожу.

— Я на машине.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — выдал Женя.

В этот момент я сорвалась.

— Если ты сейчас уйдешь, можешь не возвращаться, — глядя ему в глаза, отчеканила я.

Женя остался. Духу не хватило, чтобы вот так сразу взять и порвать со мной. Про таких, как он, говорят: «Хороший парень, но не орел». В ту ночь «не орел» трахал меня по-другому. Без придыханья. Даже целовался как-то механически. Когда он уснул, мне стало так одиноко и неуютно, что я не смогла лежать с ним рядом. Он меня предал. Бегал, стелился, унижался, а стоило увидеть Варвину, как все похерил.

Я вышла на кухню выпить коньяку. Там сидел отец. Уже хорошо поддатый. Спросил:

— Что, профукала парня?

— С чего ты взял?

— Выпить хочешь?

Он налил мне рюмку.

— Я всегда считал себя неплохим психологом, но феномена твоей подружки не понимаю.

— Говори уж прямо: своей любовницы.

— Стыдно признаться, но иногда по пьяни я думаю, что она ведьма.

— Действительно, взрослому образованному мужчине говорить такое стыдно.

— Но она на самом деле парализует волю.

— Она такая красивая?

— Красивая — не совсем точное определение. Она — больше, чем красивая.

— Как это?

— Понимаешь, она источает секс, но при этом не блядь. В отличие от тебя.

— Папа!

— Что «папа», если так оно и есть? Ты блядовита, но ни хрена не сексуальна. Самая отвратительная категория баб. А на другом полюсе — она, Анжела. С нее хочется то иконы писать, то заебать до смерти.

Я разревелась. Ничего обиднее в жизни не слышала. Прошло десять лет с того проклятого «почти красивая», и вот мой собственный отец говорит мне, что я — фригидная блядь, а Варвина — богиня.

— Ну, хватит, хватит, — папа меня обнял.

От него несло спиртным. Я не знаю, что произошло со мной в тот момент, но я обняла его, как никогда еще в жизни не обнимала, крепко, наверное до боли, как ребенок.

— Скажи, что меня любишь! Скажи!

Он как будто нехотя потрепал меня по плечу.

Я выбежала из кухни. Закрылась в ванной. Меня била истерика. Я все ждала, когда кто-нибудь из двоих мужчин в доме, папа или Женя, придет и успокоит меня. Но никто не пришел.

Мы с отцом продолжали жить вместе как соседи по общежитию. Он был мрачен и занят своими делами, лишь изредка радовался редким встречам с Варвиной. Я тоже страдала. Теперь уже из-за Жени.

Женя отдалился и сразу стал мне нужен. Мы поменялись местами: теперь я искала с ним встреч, звонила, ждала часами, все чаще — зря. Он больше не говорил «люблю», не строил планов. Это было еще обиднее, чем с Орловым. Лешка, по крайней мере, никогда не признавался мне в любви, поэтому у меня не было чувства, что с ним я что-то потеряла. Потеряла по своей вине, глупости, оплошности. А с Женей это гадкое чувство не отпускало. В мозгу постоянно свербило: «Он тебя любил, любил по-настоящему, а ты все просрала». И тогда запускался механизм надежды: раз любил — значит, я могу все вернуть. Ну, не может же

просто так все пройти! Не может! И в надежде вернуть я прогибалась. И чем больше я прогибалась, тем жестче он становился.

Раньше наш обычный телефонный разговор был примерно таким:

— Привет, малыш. Как дела? — спрашивал Женя.

— Привет. Нормально.

— Что делаешь?

— Да так.

— Прогуляться не хочешь?

— Не особо.

— Можно в кино.

— А кто еще пойдет?

— Я думал, мы вдвоем сходим.

— Вдвоем неинтересно. Обзвони ребят. Может, кто пойдет. Тогда я тоже пойду.

— Ну ладно, — вздыхал Женя. — Сейчас обзвоню.

Теперь наши диалоги стали такими:

— Привет, зай. Что делаешь? — спрашивала я.

— Да так.

— Прогуляться не хочешь?

— Как-то в лом.

— Можно в кино.

— Бабок нет.

— У меня есть.

— А кто пойдет?

— Я думала, мы вдвоем сходим.

— Вдвоем неинтересно. Обзвони ребят. Может, кто пойдет. Тогда я тоже пойду.

— Ну ладно, — вздыхала я. — Сейчас обзвоню. А если никто не пойдет, может, заедешь? Отца нет. Я соскучилась.

— Посмотрим.

Иногда он спрашивал меня про Варвину. В такие моменты я зверела, и мы ссорились.

— Как там Анжела? — как бы между прочим интересовался он.

— Тебе-то что? — металлическим голосом отвечала я.

— Да просто.

— Запал на нее?

— Не начинай. Ты уже помешалась от своей ревности.

— Это ты помешался на Варвиной!

— Что за бред? Я видел-то ее всего один раз.

— И хотел бы увидеть еще, да?

— А почему нет? Анжела — интересная девушка. Я бы с ней с удовольствием пообщался. Давай как-нибудь позовем ее с собой в кино или в кафе.

— У тебя же денег нет.

— Ну, не всегда.

— Всегда! Как со мной в кино или в кафе — так денег нет, а как ее позвать — так сразу есть.

— Начинается. Я тебя в кино не тащу и денег у тебя не прошу. Ты сама меня туда тащишь. А потом упрекаешь. Всё! Надоело! Не буду больше с тобой никуда ходить!

— Да я не это имела в виду, — уже оправдываясь, говорила я. — Дело не в деньгах.

— Неважно.

— Денег мне не жалко.

— Проехали. Мне пора.

— Посиди еще немножко.

— Нет, поеду.

И тогда я опускалась перед ним на колени и брала в рот. И Женя оставался еще минут на двадцать. Но потом все равно уезжал, прощаясь со мной словами: «Ну, всё. Я погнал». И никакого больше: «Я позвоню, малыш. Приеду — и сразу наберу». Он вообще перестал мне звонить. Теперь всегда звонила я.

В конце февраля мама родила мальчика. Мне его не показали. Мы с мамой все еще не общались. Она регулярно передавала деньги, которые я в последнее время тратила на Женю. А отец весь свой заработок спускал на Варвину. У сучки и без его дотаций были лучшие шмотки, а тут еще и он подкидывал: то сумку из итальянского магазина, то маечку, сто пятьдесят восьмую в гардеробе, которую она могла ни разу и не надеть.

Как-то я спросила ее:

— Зачем тебе мой отец?

— С ним прикольно.

— У тебя же полно мужиков. В миллион раз круче.

— Ну да. Только с ними мне неинтересно, а твой отец — начитанный, знает много. Ну, и трахается нормально. Лучше всех, кто у меня был. После Влада.

— Ты до сих пор думаешь о Кричевском?

— Да, — ответила она и тут же добавила: — Не часто. Ничего серьезного. Просто потому, что он был первый.

— А сколько у тебя было мужчин?

— Трое.

— Влад, отец, а кто еще?

— Орлов.

— Орлов?!

— Ну да. А что?

— Ты имеешь в виду тот случай в одиннадцатом классе?

— Нет, уже потом. После того, как Влад уехал.

— Как? И ты молчала?

— Да что ты пристала, — раздраженно махнула рукой принцесса. — Подумаешь, Орлов! Тоже мне герой!

— Вы общаетесь?

— Он меня уже достал. Утырок.

— Зачем тогда ты с ним спала?

— Отвянь, а? — закатила глаза Варвина и встала, давая понять, что разговор окончен. — Пойду посплю. А то твой папашка скоро заявится. В кино поедем.

— Не называй его папашкой.

— У тебя что, пээмэс? — хмыкнула сучка и вышла.

Я до последнего не замечала, что с отцом что-то происходит. Ну, ходит малость пришибленный. Ну, пьет по вечерам коньяк. Ну, влюбился. С кем не бывает?! А он взял и повесился. В туалете.

Что чувствует человек, когда заходит утром в туалет и видит собственного отца, висящего на веревке? Жуть? Оторопь? Страх? Ужас? Все это и еще желание спрятаться. Как будто ничего не случилось. Я залезла в шкаф и сидела там. Кажется, выла. Потом вышла и позвонила маме. Больше никуда не звонила. «Скорую» и милицию вызвала уже мама. А я спустилась к подъезду и ждала всех на лавочке.

Милиционер задавал мне вопросы:

— Вы не заметили ничего странного в поведении отца?

— Он влюбился.

— В кого?

— В Варвину.

— Что же в этом странного?

— Она — моя одноклассница, богатая, красивая, а он — бедный потасканный препод, — честно отвечала я, надеясь, что ее посадят.

Я слышала, что есть такая статья — за доведение до самоубийства.

Никто эту сучку, конечно же, не посадил, но ей тоже досталось. От родителей. История о романе преподавателя со студенткой из благополучной семьи, закончившаяся самоубийством, получила огласку, и над Варвиной был установлен жесткий контроль. Она больше не рассекала по городу на тачке, в универ ее отвозил и забирал водитель. Ей запретили общаться со своей компанией. И со мной тоже запретили,

хоть я к этой компании — никаким боком. Ее мамаша позвонила и обвинила меня в том, что я была в курсе этой постыдной связи и никому ничего не сказала.

— Я и не обязана, — ответила я.

— Держись подальше от Анжелы.

— Ваша Анжела — дешевка.

— Дешевка — это ты и вся твоя семья, а о моей дочери не смей такое говорить. Она тебе не ровня.

Так прекратилось наше с Варвиной общение. Какое-то время после смерти отца я жила с матерью и иногда видела из окна, как Анжела садится или выходит из машины. Шофер открывал ей дверь. Тоже мне — английская королева.

С мамой отношения так и не наладились. Она держалась со мной холодно, настороженно, к брату не подпускала, объясняя это тем, что у малыша — слабый иммунитет, а я якобы могу притащить из института заразу. Юра меня всячески избегал. За два месяца проживания с ними единственное слово, которое я слышала от него, — это «здрасте». Сначала их игнор меня не напрягал — я слишком переживала из-за смерти отца, но со временем стала чувствовать себя не в своей тарелке. Вроде бы никто меня ни в чем не упрекал, но их молчание было красноречивее любых слов. «Есть будешь?» — спрашивала мама, а весь ее вид говорил: «Ты здесь чужая, чужая, чужая». «Здрасте», — произносил Юра, а мне слышалось: «Уходи, уходи, уходи».

То, что обстановку я оценила адекватно, вскоре подтвердилось.

— Поскольку ты единственная наследница своего отца, его квартира принадлежит тебе. Если тебе неприятно там жить, можно ее обменять, — как-то сказала мама, и я поняла: пора убираться.

— Ничего обменивать не надо, — ответила я. — На выходных туда переберусь.

— Ты действительно хочешь от нас уехать?

— Да, всем так будет лучше.

— Я не настаиваю. Можешь жить с нами столько, сколько посчитаешь нужным.

— А смысл, мам?

У нее не было ответа на этот вопрос. Видимо, она тоже не видела смысла в нашем совместном проживании.

— Я помогу в оформлении документов. На этот счет можешь не беспокоиться, — сказала мама.

— Хорошо. Спасибо.

— Денег тебе хватает?

— Да. Спасибо.

— Несмотря на то, что между нами произошло, ты всегда можешь на меня рассчитывать, — в завершение разговора выдала мама, и я почувствовала себя самым одиноким человеком на Земле.

Даже родная мать меня не любит, потому что любящая мать никогда не скажет: «Ты можешь рассчитывать на меня». Это само собой разумеется. Все

дети могут рассчитывать на своих матерей, и им на это не требуется особого разрешения. А мне разрешили. Рассчитывать. Из чувства материнского долга.

Первое время я очень боялась находиться одна в отцовской квартире и ничего не могла с этим поделать. Не помогало ни самовнушение, ни повсюду включенный свет, ни молитвы. Я не умела молиться, но молилась. Своими словами. «Боженька, миленький, любименький, помоги мне, пожалуйста. Не оставь меня». Засыпала я только на рассвете, и идти в институт уже не было сил.

Я стала часто пропускать занятия, скатилась до «троек». Наверное, скатилась бы и до «двоек», но преподы знали о моей трагедии, поэтому жалели.

Мне тогда многие сочувствовали: преподы, сокурсники. Многие, но не Женя. Я просила, даже умоляла его побыть со мной, говорила, что мне страшно, что я не могу заснуть, что хочу наконец-то выспаться, но мне всегда была уготована в ответ одна и та же фраза: «Извини, но сегодня не получится».

Однажды вечером я ему позвонила и, услышав это чертово «не получится», разревелась.

— Почему у тебя никогда нет времени? Мне плохо. Как ты не понимаешь? Меня не устраивает такое отношение.

— Не устраивает — давай расстанемся. Я не хочу тебя мучить.

— Как? Вот так сразу? — опешила я.

— Почему сразу? Все давно к этому шло. Ты просто не замечала.

— Это все из-за нее, из-за Варвиной, да?

— Ты больная. Тебе повсюду мерещится Варвина.

— Но ты на самом деле изменился, стоило тебе только ее увидеть.

— Может, я и изменился, но не потому, что увидел ее, а потому, что увидел тебя в другом свете.

— В каком в другом?

— Ты была жалкая.

— Как это?

— Рядом с Анжелой ты была напряженная, вся какая-то раздерганная, желчная и неуверенная в себе. Смотрелось это жалко.

— Но рядом с ней ты видел меня всего лишь раз.

— Видимо, этого оказалось достаточно, чтобы мое отношение к тебе изменилось.

— Может, попробуем все вернуть?

— Не усугубляй. Ты и без того в моих глазах жалкая. Такими фразами ты убиваешь те крохи уважения, которые еще остались.

— Я все поняла! Я исправлюсь! Я уверена, что, если мы попробуем еще раз, все получится.

— Говорю же: не усугубляй, — сказал Женя и положил трубку.

Я позвонила ему еще раз. Он не ответил. В исступлении я набирала его номер еще и еще.

В тот вечер я очень хорошо поняла, что значит метаться. Это когда мысли скачут, на душе — безна-

дега и озноб, а ты просто физически не можешь находиться одна. Я уже была готова выбежать на улицу и доехать до Жени. Мне хотелось все ему объяснить, доказать, что я не жалкая, что я хорошая, что он не зря в меня влюбился, что я этого достойна. Перед выходом я еще раз набрала его. Трубку взяла его мама.

— Это Наташа, Женина девушка. Мне очень нужно с ним поговорить. Если он сейчас меня не выслушает, мы расстанемся, — на одной ноте, без пауз, протараторила я.

— И очень хорошо, — спокойно ответила женщина и повесила трубку.

Я тогда сильно напилась. А потом взяла и позвонила Лешке. Он приехал. По-дружески. Я ревела у него на плече, задавая один и тот же вопрос:

— Что во мне не так? Ну что?

— Всё так. Просто ты еще не встретила своего человека, вот тебя и колбасит.

— А ты встретил? — всхлипнула я.

— Встретил.

— Варвину?

— Да, Анжелу.

— Вы что, вместе?

— Да, — просиял Лешка.

— Она же тебя не любит! Она вообще никого не любит! Никого, кроме себя! Это из-за нее погиб мой отец! И вся моя жизнь наперекосяк — тоже из-за нее!

— Ничего у тебя не наперекосяк. Встретишь нормального парня — и все наладится. Не грусти. —

Лешка погладил меня по голове, и я полезла к нему целоваться. Он отстранился.

— Ну почему? Почему не хочешь?

— Ты пьяна.

— Не правда! Я в порядке!

— Я пойду, Наташ.

— Нет! Не уходи! — я вцепилась в его рубашку. — Посиди со мной. Пожалуйста.

— Мне правда пора.

И тогда я настырно расстегнула ему ширинку. Настырно — в том смысле, что он пытался убрать мою руку, а я не дала. Не потому, что очень его хотела. И не потому, что все еще любила. И даже не потому, что боялась оставаться одна. Наверное, это было бессознательное желание дойти до высшей степени унижения. Упасть низко, ниже некуда, почувствовать себя тупой блядью. Вернее, я и без того себя ею чувствовала, хоть и не была такой. Подсознательно хотелось гармонии: чтобы самоощущение совпало с ситуацией. И оно совпало. Уходя, Лешка сказал:

— Ты только Анжеле не проболтайся, хорошо?

— Ну конечно. Мы же с тобой друзья, — ответила я, вымучивая из себя улыбку.

Меня еще долго тошнило после того, как он уехал.

Проснулась я разбитая: было мерзко и физически, и на душе. Кое-как привела себя в порядок, выпила чаю и поехала в бильярдную, где мы несколько раз бывали с Женей. Почему туда, а не на занятия?

Учиться я была не в состоянии, а находиться дома одна не могла.

В бильярдной же с самого утра толпился народ — собирались все бездельники города. А иногда туда заглядывали люди поглавнее — то ли бизнесмены, то ли бандиты. Мне вдруг захотелось с кем-нибудь познакомиться. С кем-нибудь классным и красивым. И чтобы этот классный и красивый влюбился в меня по уши. Носил бы на руках. Заботился.

В тот момент я вдруг поняла, что обо мне никто никогда по-настоящему не заботился. Мать выполняла необходимый родительский минимум — одеть-накормить-вылечить простуду, отец вообще всегда жил своей жизнью. Меня никто никогда не баловал, не сюсюкал со мной, не исполнял капризы.

И тогда я сильно-сильно захотела, чтобы обо мне позаботились. Вспомнила Таню Фролову — одногруппницу. В прошлом году она опаздывала на занятия и ловила машину. Остановился серебристый мерс. За рулем оказался питерский бизнесмен, тридцать четыре года. Он по уши влюбился в нашу Танечку и забрал ее с собой. Говорят, сейчас она живет в четырехэтажном особняке и ездит на крутом джипе. И мне вдруг стало жизненно необходимо, чтобы взрослый и богатый мужик — желательно бандит — увез меня из этого проклятого Воронежа. В Питер или в Москву. Мои мечты не касались того, как я буду с ним жить, зато в них была четкая картинка приезда в родной город. Я видела себя

за рулем красного кабриолета и видела Варвину, Женю и Лешку, убитых моим великолепием. Ну, и кучку одноклассников для массовки. Я бы пригласила их всех в ресторан, где заказала бы все самое дорогое. И совершенно неожиданно туда заявился бы мой красивый и богатый муж.

— Любимая, я так по тебе соскучился, что не выдержал и приехал, — сказал бы он, а его телохранители внесли бы и поставили к моим ногам корзины роз.

Мой муж поднялся бы на сцену — ресторан должен быть обязательно с живой музыкой — и спел бы для меня песню. «Пусть тебе приснится Пальма-де-Майорка» или «Потому что нельзя быть на свете красивой такой». А лучше — «Лепестками белых роз наше ложе застелю. Я люблю тебя до слез, без ума люблю».

И чтобы Варвина спросила:

— А чем занимается твой муж?

— Нефтянкой, — ответила бы я.

И тогда бы эту сучку перекосило от зависти, потому что в Воронеже нефтянкой никто не занимается. В лучшем случае, торгуют сахарным песком или сеткой-рабицей.

А потом мы с мужем встали бы и, попрощавшись со всеми, укатили в Питер. Ну, или в Москву. Непременно на красном кабриолете. А сзади пусть едет джип. С охраной. Да, и чтобы все вышли нас провожать и увидели наши тачки. На прощание я бы небрежно бросила:

— Возвращайтесь в ресторан и веселитесь. За все уплочено.

В мечтах я говорила именно «уплочено», хотя в моей семье никто так не говорил. Я и сама так не говорила. Просто в то время богатство ассоциировалось у меня с красными кабриолетами, бандитами, занимающимися нефтью, и быдло-речью.

В бильярдной я взяла бутылку шампанского и шоколадку. Такой набор казался мне шикарным и был призван скрыть мое смущение. Я хотела выглядеть богатой скучающей бездельницей и считала, что «Советское» и «Альпен Голд» с орехами и изюмом — удачное дополнение образа. То, что богатые скучающие бездельницы, как минимум, не носят костюмов из спандекса, сшитых знакомой портнихой, мне еще долго не приходило в голову.

Я стала бывать в бильярдной каждый день. В институте появлялась раза три в неделю, а в бильярдную ездила как на работу. Познакомилась там со студентами. Некоторые были симпатичными, и чуть раньше я бы обязательно запала на одного из них. Но теперь у меня появилась идея-фикс — богатый мужик.

Богатых было видно сразу. Они подъезжали на иномарках, носили кожаные куртки и массивные золотые цепи, были бриты, загорелы и хамоваты. Часто много и громко ржали. Но почему-то ни один их них не обращал на меня внимания.

Тогда я решила измениться: сшила в ателье новый костюм — узкая черная юбка с разрезом сбоку и крас-

ный пиджак с черными пуговицами, купила черные чулки, кружевной верх которых выглядывал в разрезе юбки. Увидев себя в обновках, я поняла: надо что-то делать с прической. Темные волосы до плеч — это как-то по-пионерски и совсем не вяжется с образом роскошной красотки. В парикмахерской меня подстригли лесенкой и сделали мелирование. Вот тогда я почувствовала себя богиней. И если уж невзрачная долговязая Танечка Фролова смогла зацепить крутого мужика, то мне сам бог велел. В качестве последнего штриха я добавила длинный мундштук. Правда, из-за него я осталась без учебников. На покупку ушли все деньги, которые мама выделила на книжки.

Зато теперь мужики не давали мне проходу. Если раньше я могла часами сидеть в бильярдной, пялясь в окно, то после преображения все изменилось. Меня угощали шампанским, предлагали научить играть в бильярд, даже посвящали стихи. Ну, или одно стихотворение, если честно.

Ни автор (задрот-задротом, свитер в катышках, интеллигентского вида очечки), ни стихотворение (какая-то чушь про ясный взор и чистую улыбку) мне не понравились. Но сама идея показалась ничего. Я села и написала себе стих, который потом читала всем, кто подворачивался под руку.

— Этот стих мне посвятил Толик. Из солнцевских. Его убили, — вздыхала я, а когда напивалась, могла и всплакнуть. — Хотите послушать?

Не дожидаясь ответа, доставала из сумки листок бумаги и читала, чеканя слова:

Я б за эти глаза
Брал города
И по звездам стрелял
В небе.
Если б ты не была
Так чертовски горда,
Я бы тоже нелюдем не был.
Ты ж умеешь любить.
Почему не меня?
Я ж ручным тебе, девочка, стану,
Ты росу по утрам из роз будешь пить,
Я тебе все, что хочешь, достану.
Птицу Феникс я вмиг для тебя изловлю,
Принесу в позолоченной клеточке,
Чтоб услышать твое роковое «люблю»,
Моя милая, славная деточка.
Я взорву целый мир
И построю другой
Из лазури и позолоты,
А в этом, бетонно-асфальтовом,
Возятся пусть
Одни дураки и уроды.
Я тот старый, матерый, израненный волк,
Что любил кареглазую лань,
И за счастья с любимой всего лишь глоток
Ничего мне не было жаль.

А вскоре я познакомилась с Геной. Гене было двадцать восемь лет, ездил он на зеленом «опеле-фронте-

ра», был полноват, говорлив и владел несколькими маршрутками, о чем сообщил в первую минуту знакомства.

Гена заскочил в бильярдную выпить кофе, долго на меня пялился, а когда я вышла, выбежал за мной и всучил номер телефона со словами:

— Девушка, вы обворожительны, очаровательны, я потерял голову и влюбился.

Конечно, он говорил это кривляясь, как бы в шутку, но я видела, что действительно ему понравилась. К тому же в моих мечтах в меня влюблялись сразу и до соплей, а когда человек много мечтает, то перестает ориентироваться в реальности.

Как бы повела себя в такой ситуации девушка, не потерявшая связи с реальностью? Скорее всего, стала бы пудрить Гене мозги, флиртовать, кокетничать, иногда отталкивать. Она бы заманивала его в сети, влюбляя в себя все больше и больше, потому как понимала: первая визуальная симпатия — штука хрупкая, ее надо упрочить. А что сделала я? Нарисовала себе красивую картинку, в которой я — Наташенька, счастливая невеста в дорогом свадебном платье — выхожу из загса под руку с Геной. Прошло больше десяти лет, а кино, которое шло в моих мечтах, изменилось незначительно. Разве что голышом на коньках больше не катались.

На следующий день после моего знакомства с Геной в бильярдную заявился Женя. С какой-то телкой.

Хотя телка — это громко сказано. Невысокая средне-миленькая девушка в кедиках. По сравнению со мной — вообще «ни о чем». Однако Женя обнимал ее, чуть ли не дыша. Как дорогущую хрустальную вазу. Было видно, что влюблен, но непонятно почему. Заметив меня, смутился. Я, если честно, тоже. Но виду не подала. Наоборот, купила бутылку шампанского, хоть денег до следующей маминой выплаты оставалось в обрез. Увидев полузнакомого паренька из медакадемии, нарочито громко и бойко расспросила, как у него дела и что вообще в жизни новенького. Хотелось показать Жене, что у меня — все отлично. Наконец он подошел. Поздоровался:

— Привет. Как ты?

— Супер. Вот, отдыхаю.

— Вижу. От чего отдыхаешь-то? В институте совсем не бываешь.

— Я тебя умоляю. Не начинай. — Я закатила глаза и принужденно рассмеялась: — Я для физики не создана.

— Нет? А для чего создана?

— Для красивой жизни.

— Многие хотят жить красиво, но не у всех получается.

— А у меня получилось, представь себе. — Я достала мундштук и вставила в него сигарету. — У меня — новый мужчина. Он богатый и ради меня готов на все.

— Ну да, ну да, — Женя скривился в скептической ухмылке. — Ладно. Ты извини: я не один.

Он вернулся за свой столик, а я вышла и позвонила из автомата Гене. Жуть как захотелось блеснуть им перед бывшим. Ну, чтобы у того не осталось сомнений, как у меня все хорошо. Я была уверена в том, что осчастливлю Гену своим звонком. Ведь он так на меня запал: кофе не допил, на улицу выбежал.

— Привет. Это Наташа. Из бильярдной, — сказала я.

— Привет-привет. Рад слышать.

— Что сейчас делаешь?

— Работу работаю.

— Приезжай в бильярдную. Посидим.

— Сейчас не могу. Может, вечерком пересечемся?

— Нет, вечером я не могу. Давай сейчас.

— Я сейчас за городом.

— А когда приедешь?

— Может, через час.

— Заезжай в бильярдную, — продолжала настаивать я.

— Хорошо. Если получится, заеду.

— Жду тебя.

Вернулась назад. Главное, чтобы Женя не ушел до появления Гены. Вздохнула с облегчением, когда увидела, что он собрался играть. Вернее, учить свою спутницу.

Я пила шампанское, пытаясь понять, что именно в ней мне так неприятно. Почему эта вроде бы

миленькая девушка меня отталкивает? Во многом из-за того, что пришла с моим бывшим. Но это не единственная причина. Я стала ее разглядывать. Неброская, совсем не красавица, но так себя держит! Как будто только что выиграла конкурс «Мисс Вселенная». Ну конечно же! Теперь ясно почему. Варвинская манера. Осанка, жесты, посадка головы. Субъективное ощущение собственной охренительности.

Возмутительно: у Жени была объективно красивая девушка — я, а он выбрал обычную, но самоуверенную. Почему? Может, ему с ней комфортнее? Точно! Ему с ней просто удобно! А любит и хочет он меня. Мне захотелось в это поверить, и я поверила. На такой волне настрочила на салфетке стихотворение:

Тает снег... А с ним страданья
Растворяются в ночи.
Я пришла к вам на свиданье,
Но давайте помолчим.

Мы, как раньше, выпьем виски
За любовь и за успех,
Мой когда-то самый близкий
И любимый человек.

Но мечтам, увы, не сбыться:
Слишком мы отдалены.
Как могло так получиться,
Что друг с другом мы — «на вы»?

Между нами снова холод
Нескончаемых обид,
Я давно ушла к другому,
Он со мной, представьте, спит.

Резануло вас по слуху?
Что ж... Простите за мое
Любопытство. Ту подругу,
Вы что, любите ее?

Может, хватит притворяться?
Вы же любите меня.
Да и я хочу признаться,
Что люблю. Кого? Тебя...

Снега никакого не было — был апрель. И виски я тогда еще ни разу в жизни не пробовала. И с Геной не переспала. Но в тот момент мне казалось, что все было: и снег, и виски, и Гена, и влюбленный в меня Женя. Я в это поверила. Как поверила в то, что Гена приехал в бильярдную, потому что всю ночь обо мне думал и очень хотел меня увидеть.

— Ну, привет, — сказал он и наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

— При-и-и-ве-е-е-т, — громко и протяжно ответила я, чтобы Женя услышал.

— Какие дела, красавица?

— Отдыхаю, — рассмеялась я.

— Вижу. Какие планы?

— Да никаких.

— Покататься не хочешь?

— Можно. Сейчас только шампанское допью.

Я посмотрела на Женю. Он что-то шептал на ухо своей горделивой мышке. Та время от времени на меня поглядывала. Вот-вот! Пусть он ей про меня расскажет! Пусть она поревнует! Я была уверена в том, что девушка будет ревновать Женю ко мне, ведь я — гораздо красивее. Еще и сижу за столиком с мужчиной, который намного круче, чем мой бывший. Кто ему поверит, что это он меня бросил? Не он меня, а я его. Из-за Гены. Мой мозг стал настолько гибким, что без труда впитал этот месседж, и я уже могла поспорить на что угодно, что так оно и было на самом деле.

— Ну что, поехали? — спросил Гена.

— Поехали!

Выходя из бильярдной, я бросила на Женю победный взгляд. Смотри, как мы садимся в джип! Смотри! А сам — езжай на маршрутке! Смотри, как мне без тебя классно!

В машине Гена погладил меня по коленке. Я не убрала его руку. Зачем? Он же в меня влюблен.

— А куда мы едем? — спросила я, не особенно интересуясь ответом. Мне и так было кайфово: просто ехать на переднем сиденье настоящего джипа и слушать Михаила Круга. Громко.

— В гости. К моему другу, — улыбнулся Гена. — Посидим, планчику покурим. Любишь?

— Очень, — соврала я.

Признаться в том, что до этого ни разу не пробовала травку, показалось стремным.

— Ну и чудненько. Сейчас только в магазин заскочим.

Мы остановились у самого крутого в городе магазина — большого, с отделанным мрамором фасадом.

— Ты со мной или в машине посидишь?

— С тобой.

Когда Гена складывал в корзину бутылки с коньяком, колбасные нарезки, пакеты с соком, ананас и заграничные яблоки, я чувствовала себя на высоте: крутой парень и его девушка (а может, жена) покупают продукты в дорогом магазине. Дорогие продукты в дорогом магазине. Не молоко и пельмени в универсаме. И приехали они сюда не на маршрутке и даже не на «девятке». На джипе. Когда мы садились в машину, я испытала ментальный оргазм. Мне казалось, что все на нас смотрят и завидуют. Надо купить солнцезащитные очки, так будет еще круче, подумала я и, открыв окно, закурила. С мундштуком. На джипе. Ветер сильно трепал волосы, они неприятно лезли в лицо, но окно я все равно не закрыла. Пусть все видят, какая я крутая.

Гениного друга звали Петей. Он тоже был большим и рослым. Жил в модной квартире: три телевизора (в зале, спальной и на кухне), стеклянный столик, спальный гарнитур черного цвета, кожаный диван, шелкография.

— Смотри, кого я привел, — улыбнулся Гена и шлепнул меня по заднице.

— Вполне, — кивнул Петя. — Проходи, располагайся. Выпить хочешь?

— Шампанское, — ответила я.

— Иди ко мне, — сказал Гена, похлопывая рядом с собой по дивану, и включил телек.

Я села, он положил руку мне на плечо. Вошел Петя с шампанским, коньяком и нарезками. Выпили. Петя забил косячок. Раскурил. Протянул мне. Я втянула дым и закашлялась

— Сразу не выдыхай. В легких подержи, — посоветовал Гена и погладил меня по коленке.

Я попробовала еще раз. Передала косяк Гене. Еще выпила. Потом еще затянулась. И снова выпила. Меня развезло. Не поняла, в какой момент мы с Геной начали целоваться. Увидела, что Петя сидит в кресле и смотрит телек.

— Неудобно как-то, — прошептала я.

— Да хватит тебе! Петька — свой человек. Правда, Петь? — засмеялся Гена и подмигнул товарищу.

— Угу, — буркнул Петя и погладил меня по ноге. — Я сейчас кино поставлю.

— Историческое? — спросил Гена и заржал.

— Про патрициев, — ухмыльнулся Петя и вставил кассету в видик.

Сначала на экране и правда были чинные патриции. Но чинными они оставались недолго. Секунде на

пятой вошли девушки в коротких туниках и с ходу принялись за минеты.

Гена попытался расстегнуть на мне пиджак.

— Я так не хочу. Давай уйдем, — запротестовала я.

— Куда?

— В другую комнату.

— Но Петя кино включил. Я думал, все вместе посмотрим.

— Не хочу «все вместе». Хочу с тобой.

— Из собственного дома выгоняют, — вздохнул Петя и вышел из комнаты.

Гена снял с меня пиджак и лифчик. Сказал:

— Классные сиськи! Давай Петьке на секундочку покажем?

— Зачем?

— Ну, у тебя они такие офигенные. Хочу, чтобы он заценил, какая у меня телочка. Пусть позавидует.

Услышав «позавидует», я утратила способность мыслить здраво. Мне жутко захотелось быть мега-секси-герл, чтобы все друзья моего парня говорили ему: «Какая у тебя клевая девушка».

— Ладно, зови, — ответила я.

— Петь, иди глянь, какая у меня телочка, — крикнул Гена.

Петя вошел.

— Смотри, какие титечки. Хочешь пощупать?

Петя вопросительно посмотрел на меня. Я ничего не ответила, и он протянул руку.

Через минуту Петя уже облизывал мою грудь, а Гена снимал юбку.

— Смотри, в каких она чулочках, — сказал он, и я совсем потеряла голову.

Члены они достали практически одновременно. Жалкими остатками разума я поняла: теперь-то уж точно назад дороги нет. Можно было кричать, сопротивляться, можно было расслабиться и попробовать кайфануть, но я выбрала игру в Эммануэль. Изо всех сил старалась: извивалась, стонала. Ни секунды передышки: то один наяривает, то второй, то одновременно. Так вымоталась, что была чуть жива от усталости. В голове мелькнула мысль: а кого выбрать, если оба в меня влюбятся? Петя, конечно, красивее, но надо выяснить, какая у него тачка.

Когда все наконец закончилось, Гена сказал:

— Молодца! Без комплексов. Ты в каком районе живешь?

— В Северном.

— Далеко. На моторе доедешь? Денег я дам.

— Как на моторе? А ты? Ты меня не отвезешь?

— Поздно уже. Мне домой пора. Устал я.

— Я тоже устала.

— Не канючь, а? Собирайся. Посажу тебя в машину.

— Но я хочу, чтобы ты меня отвез.

— Слушай, детка, я не извозчик. Будешь капризничать, пойдешь ловить машину сама.

Это было ужасно обидно: я так старалась, а ему лень поднять жопу и отвезти меня домой. Петьку выберу, решила я. Даже если у него тачка хуже.

— Ну что? Собралась? Пошли.

— Меня Петя отвезет.

— Петя в душе.

— Выйдет и отвезет. Он не такой хам, как ты. И вообще, он мне больше понравился.

— Ну-ну, — хмыкнул Гена и ушел на кухню.

Петя тоже отказался меня везти. Сказал:

— Мне завтра с утра в Липецк ехать. Надо выспаться.

— Но как так?! Вы же оба со мной! А отвезти никто не хочет!

— Послушай, подруга, не закатывай тут истерик. Давай уже. Чеши.

Услышав такое, я разревелась:

— Ну почему? Почему? Почему? Что я вам такого сделала? За что вы так со мной?

Из кухни пришел Гена. Сказал своему дружку:

— Знал бы, что такое, ни за что бы не привел. Лучше проститутку, — и, обращаясь ко мне, добавил: — Ладно. Вставай. Поехали.

— Ты меня отвезешь?

— Отвезу, отвезу. Только пошли.

Я сразу же успокоилась, хоть осадок и остался. Для меня было принципиально важно, чтобы меня отвезли домой. Везет — значит, уважает. А еду сама — значит,

ничего не стою, дешевка. А я — не дешевка. Я — роковая красотка. Секси-леди. Эммануэль.

По дороге Гена сказал:

— Неплохая ты девка, Наташка. Но ебанутая.

— Но тебе же нравлюсь!

— Была бы ты похудее — вообще бы цены тебе не было. Я бы тогда тебя с Петькой не делил. Себе бы оставил.

Услышав такое, я примерзла к сиденью.

— Я же не толстая!

— Я и не говорю, что толстая. Но в теле. Рост у тебя — что надо, а фигура — не модельная. А мне модельные нравятся.

— Тощие?

— Худые.

Я почувствовала себя размазанной. До меня вдруг дошло, что я только что переспала с двумя мужиками, что они мной попользовались, а теперь я им стала не нужна. Странно, но я действительно поняла это не до, не в процессе и не сразу же после. А через какое-то время. После того, как меня обозвали толстухой.

— Телефончик оставь, — сказал Гена у подъезда. — Может, как-нибудь повторим.

Я оставила. И ждала его звонка. Очень-очень. Не с целью встретиться еще раз, а чтобы отшить. Жуть как хотелось ему бросить: «Извини, но сегодня мы с женихом улетаем в Москву». И чтобы он не выдержал и спросил: «А чем занимается твой жених?» А я бы от-

ветила: «Нефтянкой». Потому что нефтянка в Москве — это не какие-то там маршрутки в Воронеже.

Удивительно, но благодаря случаю с Геной я кое-как, но все же закончила второй курс. Было стыдно появляться в бильярдной, не хотела столкнуться с Геной, пока он мне не позвонит, вот и ходила в институт. Каждый день. На все лекции, коллоквиумы и семинары. И дома занималась много, понимая, что здорово отстала. Экзамены сдала, но с «тройками», а это означало: стипендии не будет.

После последнего экзамена я ехала к матери за деньгами, сильно нервничая. Знала: придется показывать зачетку. Представляла, как она мне скажет что-то вроде: «Тебе созданы все условия для учебы. Не хочешь нормально учиться — бросай институт и иди работай. Кондуктором, дворником, асфальтоукладчицей».

Примерно так она и сказала, но длиннее. Я смиренно ее выслушала, рассчитывая, что нотацией все и закончится. Однако мать пошла дальше.

— Я сокращаю тебе содержание. Впереди — два летних месяца. Устраивайся на работу, если хочешь пойти первого сентября в институт в новой одежде. С этого момента буду давать деньги только на еду и на квартплату. Одевайся сама, пока не исправишь «тройки».

— Но куда я пойду? Я же ничего не умею!

— Специально для таких, как ты, придумали низкоквалифицированную работу.

— Ты до сих пор меня не простила?

— Я выполняю свой родительский долг. Остальное — неважно. — Мама всучила мне банку с котлетами, и я поплелась восвояси.

Денег действительно выдала в обрез. Как я буду жить на них месяц, спрашивала я себя, сидя в модном ресторане. Кем пойду работать? Мысль о том, что придется мести улицу или торговать картошкой на рынке, была невыносима. Не дай бог, кто-то из одноклассников, одногруппников или ребят из бильярдной увидит. Это же позор. Я заказала сто пятьдесят грамм водки и стейк с картошкой. Вот собственно и все деньги, на которые я должна была жить неделю. Хорошо, хоть получаю пособие два раза в месяц. С оставшимися деньгами кое-как протяну. Но одежда? На какие шиши я оденусь? Красный костюм заносила, и он, в принципе, мне надоел. Я представила себя в кожаных штанах и белом свитере с воротом-хомутом. Вот это по-настоящему шикарно. Вот так я хочу одеваться. И мне обязательно нужен мобильник. Мобильники есть уже у многих. Если два года назад иметь мобильник было престижно, а не иметь — обычное дело, то теперь ходить без мобильника — стремно. Но где взять денег? Где?

Домой не хотелось, а сидеть в «Регате» наскучило — там не было ни одного мужика, с которым можно было бы познакомиться. И тогда, осмелев от выпитой водки, я поехала в «Слон». До этого я ни разу не была в ночном клубе, но знала, что «Слон» — это кру-

то, потому что его открыли москвичи. Деньги у меня были. Те, которые предназначались на вторую неделю проживания.

В клубе было темно и уютно. Как ни странно, намного спокойнее, чем на школьной дискотеке. Поднимаешься на второй этаж — там сцена и зал со столиками. Много свободных. Смежная с залом комната и есть танцпол. Раз в пять меньше, чем школьный актовый зал. Я почувствовала себя свободнее. Села за столик и заказала бутылку шампанского и шоколадку. Может, официанткой устроиться? Блин, как-то унизительно: подай-принеси.

И тут на сцену выходит конферансье и объявляет: «Прекрасная Лейла и ее восточный танец». Красивая томная музыка. Появляется девушка с длинными темными волосами. На ней — прозрачная белая юбка, расшитый золотом топ и туфли на высоченной платформе. Девушка не гремит костями, вся такая аппетитная. Как я. Она танцует, плавно вращая бедрами и красиво извиваясь вокруг шеста. Медленно раздевается. Я смотрю как завороженная. Вот это да... Картинка из моих детских фантазий. Именно так я себя тогда видела. Прекрасная девушка в белом медленно раздевается под волшебную музыку. Правда, в мечтах был лед и всего один зритель — жених. А тут — шест и несколько зрителей за столиками. Но так — даже лучше. Мягкий свет создает ощущение нереальности происходящего. Огни плавно скользят по уже обна-

женному телу девушки. Это так чудесно, что хочется плакать. И тогда я понимаю, что нашла себя. Вот то место, куда я так долго и бессознательно стремилась. Именно здесь я буду счастлива.

После Лейлы были другие девушки с другими танцами: веселенькая блондинка в ковбойской шляпе, брюнетка с алыми губами, в мини-юбке и высоких сапогах из латекса, рыженькая с большим чупа-чупсом во рту и с бантом на голове. Все — такие разные, но очень красивые. Но для меня самой красивой осталась первая — Лейла.

Я попросила официантку познакомить меня с администратором. Несмотря на то что прилично выпила, я была готова к разговору.

— Анна, администратор. Чем могу помочь? — спросила высокая стройная шатенка с короткой стрижкой лет тридцати пяти.

— Я бы хотела у вас танцевать.

— А вы умеете?

— Я восемь лет ходила в танцевальный кружок.

— Что ж, неплохо. Если хотите, приходите завтра днем, часика в два. Будет наш хореограф. Он вас посмотрит.

— Хореограф?

— Да. Вас что-то смущает?

— Нет-нет. А платите вы нормально?

— Ваш заработок будет зависеть только от вас.

— Спасибо. Я приду.

— Всего доброго. Приятного вечера.

То, что будет хореограф, напрягло. Я прекрасно помнила свои «успехи» в танцевальном кружке. Вечно последняя. Всегда хуже всех. Если меня будет оценивать профессионал, точно провалюсь. Но я так хочу, чтобы меня взяли. Так хочу! Я почувствовала себя такой растерянной, что бросилась на танцпол. Мне срочно требовалось выплеснуть эмоции. После того как я перестала ходить в кружок, я ни разу не танцевала, потому что была уверена: я не умею, я — хуже всех. Но на танцполе вдруг обнаружилось, что я совсем не хуже всех. Даже наоборот — лучше! В отличие от окружающих, я чувствовала ритм, хоть и не знала модных движений. Но быстро сориентировалась: на небольшом возвышении у стены отплясывали два паренька в одинаковых белых брюках и футболках. Танцоры клуба, призванные зажигать публику. Я встала напротив и начала повторять за ними движения. Поглядывала в зеркало и видела, что у меня получается. Один из танцоров показал мне жестом — о'кей. Два пальца, сомкнутые на секунду в кольцо, привели меня в состояние эйфории, и я уже точно знала: я буду танцевать в этом клубе! У меня получится!

Утром встала пораньше, помогла похмельному организму контрастным душем и кефиром и принялась репетировать. Музыку выбрала романтическую, потому что видела себя предметом любви и преклонения сидящих в зале мужчин, а не их разнузданной

похоти. Раздевалась под уитневское «And I, and I will always love you», любуясь своим отражением в экране выключенного телевизора. Потом долго и тщательно приводила себя в порядок: где нужно — брила, где нужно — увлажняла и питала, вымыла и уложила волосы, накрасилась и даже сбегала в бельевой киоск за кружевными трусиками. После покупки осталось два рубля, но я рассчитывала на то, что меня возьмут и я смогу взять небольшой аванс.

Чтобы доехать в клуб, пришлось ловить мотор: денег на маршрутку не хватало, поэтому пришлось ждать того, кто согласится подвезти безвозмездно. Согласился только шестой, поэтому я чуть не опоздала.

Собеседование проходило в два этапа. Сначала с хореографом, потом с Анной, администратором. Только теперь она представилась как Анна Витальевна.

— Покажи, на что ты способна на сцене, а потом, если ты действительно на что-то способна, я с тобой пообщаюсь, — сказала она.

Хореографа звали Борис. Я представляла его вертлявым молодым геем, а он оказался бородатым степенным мужиком.

— Раздевайся, — спокойно попросил он.

— Но я думала, что это надо делать под музыку.

— Давай экономить время. Под музыку разденешься потом, если тело в хорошей форме. А если нет, то какой смысл тебе передо мной танцевать?

Я разделась до нижнего белья.

— Ну, что? Так и будешь, как дикий человек, в трусах и в лифчике стоять? Мне нужно видеть твои главные козыри.

Я сняла остальное. Немного смущаясь, что не ускользнуло от взгляда хореографа.

— Э-э-э, барышня, стеснение в вашем деле — ни к чему. Если хочешь здесь работать, от него придется избавиться. Причем быстро. Повернись.

Я и повернулась, и прогнулась, и подпрыгнула. В общем, проделала все, что говорил Борис. Наконец он изрек:

— Неплохо. Формы аппетитные, молодые. Только в солярий надо походить. И надо бы убрать жирок в области талии. Сладкое и булки из рациона исключи, по утрам — на пробежечку. Этого будет достаточно. Теперь одевайся и попробуй что-нибудь изобразить возле шеста.

Я, как назло, приперлась в красном костюме. Мало того, что жарко, еще и танцевать неудобно. Однако Борис сказал:

— Двигаешься хорошо. Видно, что танцами занималась. А то, бывает, такие бревна из окрестных сел понаедут, сил нет смотреть.

— Спасибо, — обрадовалась я.

— Но учти: если тебя Анна Витальевна возьмет, надо будет что-то решать с образами. Твой — никуда не годится.

— С какими образами?

— Не будешь же ты выходить на сцену в этом пиджаке а-ля Иден Кэпвелл. Нужны костюмы.

— Их тут выдают?

— Тут ничего не выдают. Костюмами девушки обеспечивают себя сами. Покупают или шьют. Будет правильно, если ты посоветуешься на этот счет со мной. Вместе подберем несколько образов, в зависимости от того, под какую музыку у тебя получается лучше двигаться, в каком музыкальном сопровождении ты смотришься органичнее.

— Сложно тут у вас.

— Еще бы! У нас не забегаловка, а серьезное заведение. И последнее: я бы на твоем месте сменил цвет волос. К чему эти светлые пряди? Я вижу тебя жгучей брюнеткой. Вполне возможно, что с каре, но только не с этой непонятной прической сумасшедшего художника.

— Почему художника? — обиделась я.

— Посмотри на себя. Что за патлы? С такими тебе только потертого коричневого беретика на макушке не хватает. Но это так, частности. В целом ты нам подходишь. Теперь давай — к Анне Витальевне.

Первым делом Анна Витальевна узнала, сколько мне лет, затем расспросила про мою семью. Я честно ответила, что у мамы — новый муж и ребенок, папа умер, живу одна.

— А что привело тебя в стриптиз?

— Мне нужны деньги.

— Ты можешь заработать и в другом месте. Торгуя на рынке, например.

— Я не хочу торговать. Это унизительно. Я хочу танцевать.

— А раздеваться перед зрителями тебе не кажется унизительным?

— Что вы! Это же красиво. И, по-моему, престижно.

— В некотором смысле да. Здесь можно завести очень выгодные знакомства.

— В смысле?

— У нас бывают влиятельные люди.

— И к ним можно подойти и познакомиться?

— Самой — нельзя. Ты заметила, что наши девушки танцуют исключительно на сцене, в зал за чаевыми не спускаются?

— Кстати, да. А почему?

— Нет нужды. Девушки и без того востребованы.

— В смысле?

— Они подрабатывают.

— Кем?

— Не кем, а чем. Телом.

— Они что, проститутки?

— Проститутки на трассе стоят, а у нас — танцовщицы.

— А можно танцевать, но не заниматься этим?

— В принципе, можно, если ты альтруистка и тебе деньги не нужны.

— Нет, деньги очень нужны, но мне хватит и того, что вы будете платить.

— А кто сказал, что мы будем платить? Девочки танцуют за площадку, на которой они имеют возможность познакомиться с клиентом. Если кого-то выбирают, мы предоставляем комнату. Прямо здесь, в клубе. Сорок процентов выручки девушка отдает нам, шестьдесят забирает себе. По-моему, прекрасные условия.

Я сидела как пыльным мешком прихлопнутая. Стало страшно. Анна Витальевна это почувствовала и продолжила:

— С безопасностью у нас все в порядке. За тысячу рублей клиент может находиться с девушкой не более получаса. Охранники за этим строго следят. Время вышло, хочешь еще — плати. Сама понимаешь, что такое полчаса. Мужики у нас диковатые, стеснительные, часто тратят время на пустой треп, чтобы освоиться. Потом доплачивают. А если у девушки язычок подвешен, как у нашей Алинки, то она его на одних разговорах до утра в комнате продержать может.

Анна Витальевна была отличным психологом: говорила спокойно, уверенно. Это успокаивало и снимало напряжение.

— Девочек наших никто никогда не обидит. Я уже говорила, что им даже у столиков танцевать не приходится, чтобы всякие пьяные мудаки лапы не тянули. А если клиент попался извращенец или презерватив надевать отказывается, то девочка сразу нажимает на кнопку и вызывает охрану. Анал у нас тоже считается

извращением и не входит в перечень оказываемых услуг. Предоставляется исключительно по желанию и по договоренности. Да, и перед актом ты имеешь право попросить клиента помыться. В комнатках есть биде. Но и сама должна.

В какой-то момент я почувствовала, что в словах Анны Витальевны нет ничего ужасного, постыдного или грязного. Нормальная работа, как все. Только оплачивается лучше и условия хорошие. Плюс возможности. Ведь сюда и правда приходят богатые мужики. Можно будет познакомиться, замуж выйти. Собственно, где еще с богатыми знакомиться, как не здесь?

— А москвичи у вас бывают? — спросила я.

— Часто, — улыбнулась Анна Витальевна.

Это оказалось решающим аргументом.

— Я хочу у вас работать!

— Прекрасно. Даю тебе неделю на солярий, костюмы и репетиции с хореографом, а потом можешь приступать.

— Неделю? — я сразу же пала духом, — А нельзя приступить сегодня?

— Нельзя. Ты должна быть подготовленной.

— Но мне деньги очень нужны.

— Попробуй занять. Я уверена: долг ты быстро вернешь.

— А здесь нельзя взять аванс?

— Здесь — нельзя. Это противоречит правилам клуба. Мы ничего не платим своим девочкам, мы

просто предоставляем им возможности для нормальной работы. Да, и еще: сделай что-нибудь с волосами. С этими ты — ни рыба ни мясо.

— Хорошо, — ответила я.

— Теперь давай к Борису. Поработайте над образами и начинайте репетировать. Думаешь, ты у нас единственная претендентка?

Борис сразу просек, что я на мели, и подобрал бюджетные варианты: пионерка в плиссированной мини-юбке, в гольфах и галстуке, медсестра в халатике и просто девушка в прозрачной короткой ночнушке и трусиках.

— Туфли — тысяча. Тряпье — около того, если не заморачиваться и сшить на соплях у дешевой портнихи, — сказал Борис. — Не переживай: первое время на пионерке и медсестре протянешь, а потом расширишь свой рабочий гардероб. Будут тебе и бисер, и перья. Главное — начать работать.

А как я начну, если у меня даже на дешевую портниху денег нет? Из клуба я вышла озадаченная: где раздобыть денег на туфли, костюмы, чулки-трусы, солярий, прическу и питание? Котлет, черт возьми, на неделю не хватит.

Чтобы доехать до дому, пришлось опять ловить мотор. В этот раз повезло: останавливается белый «форд». Шикарный. За рулем — худенький парнишка в модной рубашке с длинными рукавами. Спрашиваю:

— В Северный, на Хользунова?

— Садись.

Видно, что не из бандитов и не из коммерсов, но деньги есть. Наверное, сынок. А может, его попробовать развести на бабки?

Пытаюсь разговорить:

— Курить можно?

— Кури.

Закидываю ногу на ногу. Не очень удобно сидеть так в машине, но должен же он понять.

— Чем по жизни занимаешься? Студентка?

— Танцовщица.

Мне понравилось, как звучит это слово. Тан-цоф-щи-ца. Намного круче, чем банальное «студентка».

Наконец-то в глазах парня мелькает интерес, и он спрашивает:

— Как тебя зовут?

— Наташа.

— Очень приятно. Дима.

— Мне тоже приятно.

И тогда у меня исчезают последние сомнения: раз «танцовщица» так магически действует на мужчин, я буду танцевать в клубе! Чего бы это ни стоило! Я найду деньги и на солярий, и на прическу, и на костюмы!

Когда мы подъехали к моему дому, Дима сказал:

— У меня сейчас встреча с приятелем. Может, потом посидим где-нибудь?

— Давай, — радостно согласилась я.

— Номер телефончика скажи. Буду к тебе ехать — наберу.

В квартиру я влетела как на крыльях. Сам Бог мне помогает! Сначала клуб, теперь этот Дима. Откуда он взялся на такой классной тачке? Точно с неба!

Теперь я должна грамотно развести его на бабло. Но как? Просто сказать: «Дай денег»? Или историю какую выдумать? А может, попросить взаймы? Как же это делается? Когда задумываешься о деталях, все оказывается не так-то просто. Чтобы расслабиться и привести мысли в порядок, я плеснула в стакан немного коньяку — папино наследство. Царствие ему небесное. Если он чем и брал взятки, то только коньяком. А студентки — это была любовь.

Под коньяк думалось легче. Решила действовать по схеме: для начала немного с ним поболтаю, выпью, а потом загрущу. Спросит:

— Ты чего такая грустная?

— Бабки в автоматы проиграла.

— Много?

— Три тысячи. Проблема в том, что это не мои деньги, мамины. Не знаю, что делать.

А дальше, по идее, он должен взять инициативу в свои руки. В смысле, помощь предложить.

Ну, за удачу! Я выпила еще рюмку и поярче накрасила глаза.

Дима повел меня в «Старый город». Дорогой ресторан. Для дядек. Хороший знак. Значит, деньги есть. Не только тачка.

Он совсем не ел мяса, и меня это удивило. Я еще никогда не встречала человека, который не ест мяса. Спросила:

— Ты вегетарианец?

— Да.

— А почему ты им стал?

— Пришел к Господу и стал.

Неужели сектант? Что-то не похож. Весь такой благополучный, при бабках. И разговор на религиозную тему не продолжает, в отличие от тех, зомбированных. Что-то с ним не так. Странный он. Очень. Но сейчас не до него. Надо деньги выбить. Я принялась из всех сил грустить. Однако Дима упорно не замечал моей грусти, и вопроса, который я так жаждала от него услышать, не поступало. Пришлось пойти на крайние меры и перестать поддерживать наш и без того хилый разговор.

— Ты что заскучала? — наконец спросил Дима.

Я набросилась на эту фразу, как собака на кость.

— Да так, ничего. Просто проблемы у меня. Большие. Деньги в автоматы проиграла. Три тысячи. Мамины. Надо вернуть. Вот не знаю, что делать, — на одном дыхании выпалила я, не дожидаясь уточняющих вопросов, которые с общей Диминой тормознутостью можно было и не услышать.

— Это бывает. Это мне знакомо. Могу протянуть руку помощи, — блаженно улыбнулся вегетарианец, и я вздохнула с облегчением: все оказалось не так уж сложно.

— Правда? Спасибо. Мне действительно больше некому помочь, — на легком надрыве сказала я.

— Бог есть, а значит, ситуации, в которой тебе некому помочь, не быть не может. Господь любит каждого из своих детей. В этом мире нет ничего случайного. И мы тоже встретились неслучайно. Поехали ко мне. Я тебе помогу.

И я с радостью согласилась.

Дима жил в новом районе, престижном. Все дома там были кирпичные. Квартира оказалась тоже что надо. Трехкомнатная. Даже круче, чем у Пети. У того — в обычной панельке, а тут — в таком доме.

Мы сразу прошли в гостиную. Большой телек, кожаный диван, стеклянный столик с круглой вазой, в которой лежат изюм, курага и орехи, но больше всего меня поразила стойка для одежды: две вертикальные металлические палки и между ними — горизонтальная с кучей вешалок: пиджаки, рубашки, джинсы, футболки там всякие. Во-первых, я никогда раньше не видела таких стоек, а во-вторых, не представляла, что у мужчины может быть столько шмоток. У Варвиной — да, может, а вот у парня... Женя, к примеру, обходился двумя свитерами и двумя рубашками. Джинсы были одни, кажется. Ну, и брюки еще.

— Хочешь фотки посмотреть? — спросил Дима.

— Давай. Только можно я закурю?

— Кури, если этого просит твоя душа.

— А выпить у тебя есть?

— Нет, — растерялся он. — Я, вообще-то, не пью. Ты же видела.

— Я думала, это потому, что ты за рулем, — сказала я, без особого энтузиазма открывая альбом.

На первом фото — группа людей в горах. В центре — длинноволосый мужик в белой хламиде.

— Это наш учитель, — пояснил Дима.

Зазвонил телефон. Я слышала, как Дима говорит: «Да, мам. Всё в порядке, мам. Правда хорошо. Нет, приходить не надо. Нет, не с друзьями. С девушкой, да. Нет, не из этих. Не волнуйся. Мам, ну всё. Утром позвони, да. Всё, пока».

— Мама, как всегда, перегибает палку, — улыбнулся Дима. — Давай я тебе про всех расскажу.

И он завел мудянку на три часа, посвящая каждой из фотографий не меньше десяти минут. Но у него водились деньги, поэтому пришлось потерпеть.

Когда с проклятым альбомом было покончено, Дима спросил:

— Останешься у меня? А то поздно уже.

— Хорошо, — ответила я.

А что мне еще было делать? Деньги-то я все еще не получила.

У Димы были мягкие, как пух, волосы и очень худое тело. В сексе он оказался слабоват. Еле кончил. Видимо, потому, что мясо не ест, подумала я.

Разбудил звонок от его мамы. В восемь утра. Я слышала все, что она говорит, потому что Дима лежал рядом, прижимая трубку к уху.

— Димуль, ты проснулся?

— Еще сплю.

— Всё в порядке?

— Да.

— Мне приехать?

— Не надо.

— Ты не один?

— Нет.

— С той девушкой?

— Да.

— Всё в порядке?

— Да, мам. Всё. Давай. Пока.

Заполошная какая-то тетка, подумала я. У нее — нормальный сын. Со своими, конечно, тараканами, но не пьет, не курит, трахается в презервативе. Чего ей еще надо?

И тут Дима вытянул руку, чтобы положить на тумбочку телефон. На руке от запястья до локтя было множество белых шрамиков. Что это? Ему кто-то порезал руки? Но чем? Иголкой?

Иголкой! Меня осенило: Дима — наркоман в завязке. Поэтому вчера, в жару — длинные рукава. Поэтому взволнованная мамаша. И даже секта — поэтому. Мне уже приходилось слышать истории о том, как бывшие наркоманы попадали в секты. Им там было комфортно: наркоман — зомби, и сектант — тоже зомби. А таких, как Дима, в секты должны принимать охотно: сынок богатых родителей. Хотя, вообще-то, таких и в наркоманы охотно берут.

— Завтракать будешь? — спросил Дима.

— Давай.

Он принес две чашки травяного чая и сухофрукты.

— И это весь твой завтрак?

— Да. Ты не наешься?

— Наемся, — ответила я, представив, как разогрею сразу три котлеты, когда приеду домой.

Про деньги Дима больше не заикался, и я задергалась. После завтрака посмотрела на часы и сказала:

— Мне, вообще-то, пора.

— Подожди. Я же тебе помочь обещал.

От сердца отлегло. Слава богу, все было не зря. Дима вышел из комнаты. Через секунду появился со стопкой книг и брошюр.

— Вот!

— Что это?

— Наша литература. Она поможет прийти тебе к Господу. Там и адрес нашей школы есть. Мы, дети Божьи, будем тебя ждать.

— А деньги?!

— Какие деньги?

— Ты обещал помочь!

— Я и помогаю. Я приведу тебя к Господу.

— Но мне деньги нужны!

— А денег у меня нет, — вздохнул Дима.

— Как нет? А твоя машина? А ресторан?

— Машина — мамина. А в ресторане я не платил. Ты разве не обратила внимания?

— Нет, — растерянно ответила я.

— Понимаешь, мама очень боится, что я опять возьмусь за старое. Я был наркоманом, пока не пришел к Господу. Она, конечно, знает, что я больше не употребляю, но все равно боится давать мне деньги на руки. Вот и устроила мне в нескольких ресторанах депозит. Заканчиваются деньги на депозите, она сама туда едет и еще оставляет.

— А нельзя немного оттуда вытащить? — в отчаянии спросила я.

— Нельзя, — развел руками Дима и виновато улыбнулся. — Но ты не переживай. Слово Господа — ценнее любых денег. Вот, — он придвинул ко мне стопку.

— Спасибо, — промямлила я.

— Я тебя отвезу.

— Спасибо.

По дороге Диме вздумалось заехать в лес и постоять голыми ногами на земле.

— Чтобы впитать в себя энергию Господа, — пояснил он. — Ты тоже разуйся и походи.

Я зачем-то разулась. Какой-то корягой порезала пятку. Жутко хотелось есть и плакать. Когда наконец Дима привез меня домой, я разревелась и позвонила Орлову.

— О, привет. Давно тебя не слышал. Как сама? — весело спросил Лешка.

— Леш, а ты можешь приехать?

— Случилось что?

— Помощь нужна. Ну, или совет.

— Хорошо. Через пару часов заеду.

Я положила трубку и пошла в душ. Долго мылась, укладывала волосы и красилась. Хотела выглядеть на все сто, потому что вдруг поняла: я все еще люблю его. Как и тогда, в десятом классе. И хоть я о нем больше не думала, а источником моих душевных мук был теперь не он, а бабло, его голос в телефоне заставил мое сердце биться сильнее.

Он вошел такой красивый. Намного красивее, чем раньше. Новая стрижка, супермодные джинсы, футболка «в облипочку», под которой видны мышцы.

— Офигеть, ты накачался.

— Заметно? Это меня Анжела в тренажерный зал притащила. Вслед за собой.

Опять Анжела! Куда же без нее! Настроение сразу упало, но я не удержалась и спросила:

— Как там она?

Стоило услышать ее имя, как во мне просыпался моральный мазохист. Знала же, что Лешка скажет, что у Варвиной все замечательно, и мне будет больно, но все равно ковырнула рану.

— Моя лапа сейчас в Америке. По программе Work & Travel. В сентябре вернется. Деньжищ заработала.

Куда ей еще деньжищ-то, подумала я, убитая новостью. Я сижу в Воронеже, без копейки, а эта гадина оттопыривается в Америке, с карманами, набитыми

баблом. Но ничего, я в клубе столько заработаю, что ей и не снилось. И с мужиком крутым познакомлюсь. И свалю отсюда, а она вернется и будет здесь торчать. Со своим Орловым.

Меня накрыла нечеловеческая злоба: и на нее, и на Лешку, и на маму, и на весь мир в целом.

— И кем она там работает? — процедила я.

— Официанткой. Платят мало, но чаевые — зашибись. Устает, правда, очень.

— Ну-ну.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Так, ничего.

— Но ты что-то подумала.

— Тебе-то что? Какая тебе разница, что я там подумала? Ты что, ей не доверяешь?

— Доверяю, но...

— Но что?

— Она перестала звонить. Первое время звонила через день, а теперь как отрезали.

— Сам позвони.

— Звонил.

— И что?

— Трубку берет всегда. Вроде бы рада слышать. Но у нее вечно нет времени. Десять секунд поговорит и сразу: «Зай, извини, надо бежать». Да и настроение у нее больно хорошее. Такое ощущение, что она по мне вообще не скучает.

— А ты ждал от нее чего-то другого?

— Она говорила, что любит.

— Она всем так говорит. У нее «я тебя люблю», «я тебе обожаю», «ты мне нравишься», «мне с тобой прикольно» — один хер.

— Думаешь, у нее кто-то есть?

— У нее всегда кто-то есть, — с нажимом на «всегда» ответила я.

Лешка даже спорить не стал. Сказал только:

— Она такая красивая, что мужики вокруг так и вьются.

— Ничего она не красивая. Обычная.

— Ты просто не понимаешь, — грустно сказал Лешка и окончательно скис.

И тут я взорвалась:

— Ну конечно же! Я ничего не понимаю! Ты понимаешь! И мой отец понимал! Только потом почему-то я вошла в туалет и увидела перед собой его ноги, свисающие сверху! А так вы все всё понимаете, а я — дура! И только ваша ненаглядная Анжелочка — богиня!

Я орала, глядя на Лешку сухими глазами. И при этом плакала. Только слезы лились внутрь. Слезы по отцу — влюбленному ебанашке, которому, в сущности, я была по фиг, но к которому привязалась. Слезы по матери, которая вычеркнула меня из своей жизни, но которая была мне так нужна. Слезы по Лешке, который мог бы стать моим первым и единственным, если бы обратил на меня внимание. И тогда бы не было в моей жизни всех этих Жень, Юр, Ген, Петь, Дим. И того

Орлова, который меня механически трахал, тоже не было бы. Был бы другой Лешка — любящий, нежный, заботливый. И сейчас мне не нужно было бы искать денег, чтобы устроиться в клуб.

— Наташ, что с тобой? — Лешка провел ладонью у меня перед глазами. — Ты уже несколько минут молчишь.

— Ты не знаешь, где можно взять денег в долг?

— А сколько тебе надо? Рублей двести могу одолжить.

— Мне больше надо. Штуки три. Через пару недель отдам.

— Блин! Куда тебе столько?

— Надо. Для дела. Так ты не знаешь, где можно взять?

— Я могу, конечно, спросить у родителей, но они вряд ли дадут, не зная на что.

— Не, у предков не надо. Еще матери моей скажут, а это совсем ни к чему.

— Может, в ломбарде?

— В смысле?

— У тебя золото есть? Сдаешь в ломбард, а когда появляются деньги — идешь и выкупаешь. Ребята из группы так делали. Могу посоветовать место, где проценты сильно не дерут.

— Ты гений! — от радости я даже в ладоши захлопала.

Сняла сережки, подаренные мамой на шестнадцатилетие, перстень, доставшийся от бабушки, и це-

почку с крестиком — подарок крестного. Не бо́г весть какое, но золото.

— Как думаешь, сколько за это дадут?

— Я не в курсе. Я же сам не сдавал.

— Расскажи, где ломбард.

Я заняла у Лешки сто рублей, чтобы не ловить моторы, и после того, как он ушел, поехала сдавать золото.

Ломбард располагался в подвале. Я думала, что это будет какое-то полулегальное заведение, но все оказалось иначе: вдоль стены — стулья для посетителей, стенд с правилами приема изделий и копиями каких-то официальных бумаг с печатями, за стойкой — не бандюган, а тетенька в очках, аккуратно взвешивающая принесенное добро и выдающая квитанции.

— Вам есть восемнадцать? — строго спросила она, когда подошла моя очередь.

— Да.

— Ваш паспорт, пожалуйста.

— У меня с собой нет.

— Я не могу принять у вас изделия, если нет паспорта.

— Он есть. Но дома.

— Приходите с паспортом.

— А вы не могли бы сказать, сколько вы за это дадите?

Тетенька недовольно бросила золото на весы.

— Восемьсот шестьдесят четыре рубля.

— Так мало? Но перстень же — большой.

— Вес камня не учитывается. Мы берем в расчет только золото.

— Спасибо, — растерянно сказала я и отошла от стойки.

Этой суммы хватит только на солярий и прическу. А где взять деньги на туфли и костюмы?

Я стояла у ломбарда и курила. Внутри нарастала паника. Я боялась не найти денег и упустить работу. Мои невеселые думы прервал голос с кавказским акцентом:

— Что грустим, красавица?

Я подняла глаза и увидела перед собой плотного мужчину в красной футболке.

— Золото не приняли?

— Я паспорт забыла. Но дело не в этом.

— А в чем?

— Мало дают. Всего восемьсот рублей. Мне этого не хватит.

— А на что тебе деньги?

— В автоматы проиграла. Мамины. Надо отдать, — выдала я заготовку, предназначавшуюся для Димы.

— Ай-ай-ай. Много?

— Три тысячи.

— Ну, это не так уж много. Тебя как зовут?

— Наташа.

— А меня Карен. Поехали — посидим где-нибудь. Обсудим твою проблему. Может, помогу чем.

Я вспомнила Диму, который уже «помог», и хотела было отказаться, но, взглянув на массивные золотые часы на руке Карена, не устояла. А вдруг?

Интуиция подсказала: с Кареном надо быть пай-девочкой — студенткой и полуцелкой, — случайно заблудшей в казино. Цель — пробудить в нем сочувствие и желание опекать.

Мы поехали в какой-то армянский ресторан, где я мало пила, много его слушала, а если и говорила, то только про свою замечательную семью: любящих мамочку и папочку. Ну, и про институт.

— Что? Правда, на физическом факультете учишься? — недоверчиво спросил Карен.

Я достала из сумки студенческий.

Карен внимательно его изучил и одобрительно кивнул.

— А парень у тебя есть?

— Сейчас нет. Мы расстались.

— Не общаетесь?

— Нет.

— Хорошо.

Карен немного помолчал и спросил:

— Как же такую хорошую девушку занесло в игровые автоматы?

— Одногруппники пошли. Ну, и я с ними. Поначалу мне везло, а потом я вдруг начала проигрывать. Но остановиться не могла: думала, вот-вот отыграюсь. Ребята мне ссудили денег, которые на следующий день

пришлось вернуть. Взяла у мамы из сбережений на черный день. Теперь стыдно. Каждый день боюсь, что ей потребуются эти деньги и она не досчитается трех тысяч.

— Ну вот что, милая: я дам тебе три тысячи, но ты мне пообещаешь, что никогда больше не будешь играть.

— Правда? Ты правда дашь?

Карен достал из барсетки пачку купюр, отсчитал три тысячи и положил на стол передо мной.

— Обещаешь?

— Обещаю-обещаю-обещаю! — я не смогла сдержать эмоций и рассмеялась от счастья.

А ведь я с ним даже не переспала! Этот дяденька — компенсация всех моих предыдущих обломов. Может, и в самом деле Бог есть и он мне помогает?

Карен отвез меня домой и взял номер телефона. Спросил:

— Завтра поужинаем?

— Обязательно.

Утром я побежала в солярий и парикмахерскую, где мне сделали каре и покрасили в черный цвет. Я сразу почувствовала себя старше и увереннее. Мне понравилось это ощущение.

А в двенадцать меня уже ждал Борис на репетицию.

— Прическа — это хорошо, но где туфли, костюмы?

— Еще не успела, но деньги есть, — поспешила заверить его я.

— Ладно. Сегодня поработаем так. Подберем музыку, набросаем движения. Но завтра чтобы были костюмы и обувь.

— Хорошо.

Репетиция закончилась в половину третьего. Времени оставалось в обрез. Я решила, что туфли, белье, ночнушку и юбку для пионерки куплю завтра утром на рынке. А вот где взять халатик медсестры и пионерский галстук?

За халатом я поехала в поликлинику. Заглянула во все окошки в регистратуре, выбрала тетеньку посердобольнее на вид и спросила прямо:

— Я могу купить у вас халат?

— Что?!

— Понимаете, мне очень нужен медицинский халат. У меня мама в больнице, а к ней без халата не пускают. А халаты сами не выдают. Типа, у них нету. Приходится каждый раз на лапу давать, чтобы пропустили. Мне дешевле халат купить. Ну пожалуйста. Я пятьсот рублей дам.

Тетенька внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Слева дверь. Зайди.

Я оказалась с ними, за стеклом.

— Вот. Прикинь на себя.

Халат оказался огромным, потому что тетенька была тоже огромная.

— А поменьше нету?

— А на кой тебе меньше? Тебе же в нем в больницу ходить, а не на танцы, — улыбнулась регистраторша.

То-то и оно, что на танцы, подумала я, а вслух сказала:

— Понимаете, мне доктор очень нравится. Молодой, положительный. Прям влюбилась в него. Очень. Хочу быть красивой.

— А-а-а, ну, это дело молодое. Сейчас у Светки спросим.

Светка сидела в другом углу. Была молода и стройна.

— Све-е-е-т, ты халат не продашь девушке?

— Чего?!

— Халат, говорю, нужен. Твоего размера. За пятьсот рублей не отдашь?

Светка подошла к нам.

— Примерьте, — сказала она, протягивая халат.

То что надо, только длинноват. Но это ничего, дома обрежу и вручную подошью, решила я, протягивая пять сотенных купюр.

— Спасибо огромное. И вам, и вам.

— Да не за что. Была бы польза, — улыбнулась тетенька.

Все-таки не зря я ее выбрала. Не зря.

Решила не тратить времени на поиски пионерского галстука. Зашла в магазин «Ткани» и купила полметра красного шелка. Дома вырезала из него треугольник.

Зазвонил телефон.

— Это Карен.

— Привет.

— Я звонил. Тебя не было.

— В парикмахерскую ходила, потом к подруге ездила.

— Поужинаем сегодня?

— Ой, я так устала, а мне еще нужно обед на завтра приготовить.

— Маме помогаешь?

— Да. Кто ж ей еще, кроме меня, поможет?

— Молодец. Тогда завтра, хорошо?

— Да, завтра обязательно поужинаем.

Полночи я провела с иголкой в руках. Подшивала халат и края галстука. Думала о том, как заработаю кучу, оденусь шикарно, выйду замуж за крутого московского мужика и утру всем нос. А Лешка будет любить меня до конца жизни. И быть может, когда-нибудь я приеду в Воронеж и мы проведем ночь вместе. Я буду богатая и роскошная, а Варвина будет постаревшая и зареванная. В ту ночь она будет его ждать, а он придет только утром, ни слова не говоря, рухнет в постель и уставится в потолок немигающим взглядом. А я в тот момент уже буду нестись на красном кабриолете домой, в Москву.

Борис остался мною доволен: ему понравились и костюмы, и то, как я вжилась в образы.

— Молодец! Ты не только хорошо двигаешься, ты еще и прирожденная актриса. Твою пионерку я бы сам выебал, будь я натуралом.

— Как? А вы разве голубой?

— Да, а ты имеешь что-то против?

— Нет-нет, просто вы не похожи на голубого.

— Лапонька, далеко не все геи выглядят как Боря Моисеев и говорят фальцетом, — рассмеялся Борис. — Жду тебя завтра в час.

Домой я приползла еле живая от усталости и сразу же завалилась спать. Разбудил телефон.

— Это Карен.

— Привет.

— Я звонил несколько раз. Где ты была?

— Ездила к портнихе. Потом на рынок. Мяса и овощей купить. А сейчас вырубилась. Так устала.

— А поужинать?

Нехорошо во второй раз динамить человека, подумала я. Тем более поесть и выпить было бы сейчас очень кстати. За всей этой беготней забыла, когда в последний раз ела.

Мы договорились, что он заедет за мной через час.

На мою новую стрижку Карен отреагировал вопросом в лоб:

— Ты зачем отрезала волосы?

— По-моему, так красиво.

— У девушки должны быть волосы. Это красиво. А ты что сделала?

— Тебе не нравится?

— Нравится. Но с волосами было лучше. Не стригись больше. Пусть растут. Ты красивая женщина. А у красивой женщины должны быть красивые волосы.

— Ну, хорошо, хорошо, — ответила я.

— И макияжа так много не надо. Ты красивая женщина. Тебе нет необходимости замалевывать лицо.

Карен нес откровенную фигню, но, как ни странно, его слова были мне приятны. Первый раз мужчина мне что-то диктовал. Раньше от меня никто ничего не требовал. Не потому, что стеснялись, а потому, что было по фиг. Не нужна была — вот и не требовали. А этому, вроде как, небезразлично.

Сам по себе Карен мне не нравился — невысокий, полноватый. Нравилось его отношение — заботливое, опекающее. Мы стали встречаться каждый вечер. Днем я репетировала, а часов в восемь мы ехали ужинать. Если бы в один из вечеров Карен пригласил меня к себе, я бы поехала. Но он никуда не спешил.

Пару раз пересекалась на репетициях с другими танцовщицами. Они ставили новые номера.

— Новенькая? — спросила меня ненакрашенная девушка в спортивных штанах. Приглядевшись, узнала в ней ту самую Лейлу.

Я кивнула.

— Лена, — представилась она.

— Наташа.

— Когда приступаешь?

— Завтра.

— А ты до этого работала?

— Нет.

— Волнуешься?

— Немного. Не из-за танцев. Из-за комнаты.

— Это ты брось. Клиенты в основном все пьяные. Стоит у них плохо. Соображают мало. Тут не о чем беспокоиться. Ты лучше о танце беспокойся. Выкладывайся так, чтобы тебя выбирали. Если не выбирают, все труды насмарку.

— Неужели и правда клуб совсем не платит?

— Поначалу — нет. Но если руководство видит, что девочка хорошая, то, естественно, ее стараются удержать. Под ментов не подкладывают, могут премию выплатить. А самых-самых хозяева клуба в Москву забирают. У них там тоже клубы есть. Вот Инна, например, последнюю неделю здесь работает и уезжает. Тебя на ее место берут. Кстати, ты как к нам попала?

— Пришла шампанского выпить, увидела, как вы танцуете, и попросилась на работу. На следующий день показалась, и меня взяли. Оказалась в нужное время в нужном месте.

— Не только. Видимо, ты действительно что-то можешь, раз даже кастинг не стали проводить.

— Я восемь лет ходила в танцевальный кружок. А здесь реально можно прилично заработать?

— Можно. Главное — не лениться. Когда мне хочется позвонить Анне Витальевне и сказать, что сегодня беру выходной, я бью себя по рукам. Один раз не вышла, второй раз не вышла, штуки три потеряла. А я на квартиру коплю.

— И что? Действительно реально накопить на квартиру?

— Ну, а где еще девушка в нашем городе может заработать тридцать штук в месяц?

Услышав эту сумму, я чуть дара речи не лишилась. Спросила:

— А у тебя машина есть?

— Есть. Я же давно работаю.

— Какая?

— «Девяносто девятая».

Круто! Я так воодушевилась, что решила выкладываться по полной. Чтобы меня обязательно выбирали. И я куплю себе не то что «девяносто девятую», а «пежо»!

И я выкладывалась. И меня выбирали. Каждый день. Иногда — по два раза за вечер. В первые три недели работы я не взяла ни одного выходного и заработала восемнадцать тысяч.

Я сразу просекла: как бы хорошо девочка ни была сложена, как бы хорошо она ни танцевала, если у нее каменное лицо, успехом она не пользуется. И я стала играть.

Про каждую из своих героинь придумала историю: развратная пионерка трахается в раздевалке с физруком; девушка в прозрачной ночнушке мастурбирует перед сном; медсестра любит групповой секс.

Потом добавился вопрос «Почему?», потребовавший ответа, и истории разрослись. Почему пионерка

занимается сексом с учителем? Испытывает влечение к мужчинам постарше. Почему девушка в ночнушке мастурбирует перед сном? Она обожает секс, но одинока, а воспитание не позволяет спать с первым встречным. Почему медсестра любит групповой секс? Она гиперсексуальна и готова трахаться всегда, везде и со всеми.

У моих героинь появились имена: пионерка Юля, мастурбирующая Оля, медсестра Вика. Я выходила на сцену, будучи уже не собой, Наташей, а Юлей, Олей, Викой. И чувствовала то, что чувствуют они. Юля возбуждалась, потому что за столиками сидели мужчины постарше, которые ее так привлекали. Она якобы стыдливо, но на самом деле с удовольствием перед ними раздевалась. Оля демонстрировала себя во всей красе, у нее давно не было мужчины, и она так его хотела, что каждый ее жест кричал об этом. Вика была нетерпелива. Одежда ей мешала. Она была готова лечь на пол, раздвинуть ноги и отдаться всему залу сразу.

В комнате я тоже продолжала играть. Пионерка инициативу не проявляла, но закрывала глаза от удовольствия. И мужчина становился с ней веселым, беззаботным. Девушка в ночнушке смотрела на мужчину с обожанием, как на героя, которого она так долго ждала. И мужчина чувствовал себя героем. Медсестра сама набрасывалась на клиента и была ненасытна. Мужчина видел, как его хотят, и чувствовал себя неотразимым.

Помню каждого из своих клиентов. Все — хорошие люди. Не грубили, относились с уважением. Часто предлагали выпить. Отказаться я не могла: это противоречило правилам клуба, одно из которых гласило: «Посетителей надо обдирать по полной». Юля пила шампанское, хихикала, быстро пьянела. Оля выбирала дорогое вино, которое пила медленно, смакуя, изучая мужчину взглядом. Вика любила коньяк. Выпивала рюмку залпом и снова тянулась к ширинке.

У каждой из моих героинь появились постоянные поклонники среди посетителей клуба, а у меня — враги среди девушек. Мой успех многим колол глаза. Началась травля. Тупая и агрессивная. Я терпела: и пропавшую из ящика в гримерке косметику, и подпиленный каблук, на котором пришлось танцевать, и песок в гольфах пионерки. Но когда мне натерли трусы перцем, который на второй минуте выступления стал невыносимо жечь, я не выдержала и пожаловалась Анне Витальевне.

Через два дня к ней в кабинет пригласили Лену-Лейлу и рыжую Катю. Ту самую, которая танцевала с чупа-чупсом во рту. Накануне мне залили в бутылку с тоником для лица кислоту. Я об этом потом узнала. После моего разговора с администратором в гримерной поставили камеры. И камеры засняли, как Лена с Катей выливают из моего пузырька тоник и что-то туда заливают. В перчатках. Через воронку. Как оказалось, кислоту.

Из кабинета девушки вышли вместе с Анной Витальевной и охранником. Нас всех собрали перед дверью. Охранник заклеил рты Лены и Кати широким скотчем. Подвел Лену к двери и крепко ее держал, пока Анна Витальевна прижимала ей по очереди все пять ногтей левой руки. Лена кричала изо всех сил, но выходило слабо. На виске у нее вздулась вена, лицо было красным, из глаз текли слезы. После того как был прижат последний ноготь, охранник ее отпустил, и она рухнула на пол. То же самое проделали с Катей. Та сильно зажмуривалась и тоже пыталась орать.

— Если еще раз кто-нибудь кому-нибудь попытается навредить, наказание будет более суровым. Действия, направленные против коллег, противоречат правилам клуба. Вам понятно? — спросила Анна Витальевна.

Все закивали. Я тоже кивнула, онемевшая от ужаса.

— Катя, Лена, вы так и будете здесь лежать или пойдете гримироваться?

Охранники рванули скотчи.

— Ну, так что? — подняла брови Анна Витальевна. — Или вы полагаете, что я довольствовалась вашими ногтями исключительно из человеколюбия? Тела, лица — в порядке, рука, чтобы держаться за шест, тоже. Если не выйдете сегодня, считайте себя уволенными.

Лена медленно поднялась. Катя тоже. Гримировались мы в полной тишине.

С Кареном мы больше не виделись. Поначалу он звонил, приглашал поужинать, но, с тех пор как я начала работать, натыкался на вежливый отказ: заболела, устала, бабушка приехала, мама в больнице. В конце концов ему это надоело, и он звонить перестал.

Не думала, что Карен ходит по клубам. Моя пионерка увидела его, как только вышла на сцену. Он был с друзьями. Мы столкнулись взглядами, стало стремно, но я быстро взяла себя в руки: на Карена мне насрать, а на работу — нет. Больше всего на свете я боюсь ее потерять. И я отработала номер, выбросив все лишнее из головы.

После выступления меня заказали. Я очень надеялась, что это не Карен. Но в комнате был именно он. Спросил:

— Значит, так ты маме помогаешь?

Ничего не говоря, я села на край кровати. Он подошел вплотную и расстегнул ширинку.

Быстро кончил. Почти сразу. Застегнул ремень, кинул на покрывало тысячу рублей и вышел. У меня оставалось еще двадцать минут. Я лежала на кровати и смотрела в потолок. В какой-то момент потекли слезы. Сама не знаю, почему я заплакала. Наверное, от одиночества, про которое от усталости почти забыла, а тут накрыло. Никому я не нужна. Ни-ко-му. Даже маме. Но вскоре время вышло, и пора было переодеваться в медсестру. Я встала и прополоскала рот.

На следующий день взяла выходной и позвонила Лешке.

— Я тебе сто рублей должна. Заезжай вечером. У меня коньяк есть. Посидим.

— Заеду.

Я побежала в магазин. Накупила вкусностей, взяла бутылку «Хеннеси», свечи.

Лешка был для меня самым родным человеком, хоть он об этом и не знал. Ведь я по значимости занимала в его жизни тридцать девятое место. Ну, или около того. У него были родители, бабушки-дедушки, друзья, Варвина. Я была готова смириться со всеми, кроме Варвиной. Ее мне жутко хотелось подвинуть.

Лешку я встретила в коротком шелковом халате. Хотела продемонстрировать загорелые ноги, но он сказал:

— Что-то ты уставшая. Как будто не расслабляешься на каникулах, а пашешь за десятерых. Или пацанчик какой по ночам спать не дает?

— Влюбился один. Очень прикольный, — ответила я в глупой попытке вызвать ревность.

— Поздравляю. Анжела вернется, бухнем квартетом.

— Мы не общаемся. Ты же в курсе.

— Давно пора помириться. Тем более она к тебе хорошо относится.

— Она ко всем хорошо относится, только некоторые от такого хорошего отношения руки на себя накладывают.

— Не гони на нее. Анжела не виновата в том, что случилось с твоим отцом.

Я молча поставила на стол бутылку коньку.

— Ох, ни фига себе, какие напитки ты пьешь. Чувачок-то у тебя при бабках, — подмигнул Лешка.

— Да, ничего так, — ответила я, взяв с подоконника свой долгожданный мобильный и положив его перед собой.

— И мобила! Нормально устроилась, мать.

Я вспомнила, как почти два года назад мы пили портвейн, на который еле-еле наскребли какое-то копье. Вспомнила, что было после: и то, как он меня механически трахнул, и то, как пришла потом домой и узнала, что мама беременна.

— Давай выпьем, что ли, — сказала я.

Мы выпили и закусили слабосоленой семгой. Тогда были картошка и котлеты.

— Леш, а ты Варвиной изменяешь?

— Нет.

— Почему?

— Не хочу. Мне с другими противно.

— Какой ты трепетный.

— Не трепетный. Я просто люблю ее. А когда любишь, мысли о других женщинах вызывают отвращение.

Я поняла, что Лешка еще очень маленький. Ему всего девятнадцать, и Варвина — его первая любовь. Сорокалетние мужики, которых я удовлетворяла в комнате, думают иначе. В тот момент мне до скрежета зубов захотелось прижаться к Лешке, обнять его,

поцеловать. Но надо было подождать, пока он опьянеет. Мы выпили еще. Потом еще.

Халатик все время разъезжался: то на груди, то на ногах. Орлов старался не смотреть, и это обнадеживало: значит, борется с искушением. У меня внутри закрутилась «Frozen» Мадонны. Под нее выходила моя девушка в ночнушке. И я стала ею: той, которая жаждет, той, которая хочет, той, которая ждала-ждала и наконец дождалась. Его, того самого.

Лешка что-то почувствовал и накрыл мою руку своей. Через меня как будто высоковольтный разряд пропустили, но я сидела, боясь пошевелиться. Он встал, подошел сзади и положил руки мне на плечи. Я прижалась щекой к его пальцам.

Другая его ладонь скользнула в вырез халата. Я была без лифчика.

— Пойдем в спальню, — сказала я.

В этот раз он трахал меня жадно. Облизывал каждый сантиметр моего тела, менял позы. Было так хорошо, что казалось: вот-вот, и я кончу. Я была счастлива от того, что Лешка со мной, и уверена в том, что он не думает о Варвиной.

— Ты изменилась, — сказал он, когда мы лежали рядом.

— В смысле?

— Пропала нервозность. Наверное, благодаря твоему новому чуваку.

— Тебе неприятно, что у меня кто-то есть?

— Что ты! Наоборот! Я очень за тебя рад.

Мне же хотелось думать, что ему неприятно.

— Останешься?

— Не могу. Поздно вечером Анжела будет звонить. Разница во времени. Ну, ты понимаешь.

— Она еще звонит? — хмыкнула я.

— Раз в неделю. Я ей сказал, что меня не устраивает ее молчание по три недели, и она стала звонить чаще.

— Ну-ну.

— Наташ, не надо, а? Я решил, что, раз мы с Анжелой вместе, я должен ей доверять.

— А она тебе?

— И она мне.

— И это говоришь ты, лежа голым в моей постели?

Он ничего не ответил.

— Поверь мне: Варвина делает точно так же.

— И что?! Даже если и делает! Я ее от этого еще больше хочу! — завелся Орлов.

— Как?!

— Разве не понимаешь? Я мужчина! Чтобы любить, я должен париться. Мы влюбляемся в девочек, которые заставляют нас страдать.

— Мазохист.

— Все мужчины такие.

— Только слабаки.

— Все. Когда-нибудь ты это поймешь, — ответил Лешка и потянулся за джинсами.

На прощание он сказал:

— Мне было с тобой хорошо.

— Значит ли это, что ты не можешь в меня влюбиться?

— В комфорт не влюбляются.

— Зато в нем живут.

После его ухода у меня было странное чувство: с одной стороны, я была счастлива, с другой — уязвлена. Счастлива от того, что Лешка был со мной. Уязвлена потому, что, будь Варвина рядом, этого бы не произошло.

Вначале счастья было все же больше, но Лешка не позвонил, и оно утекло. Я ждала его звонка. Пусть хотя бы раз в его голове мелькнет мысль выбрать меня. Пусть хоть ненадолго задумается: я или она. Но нет. Все было слишком однозначно: Варвина. Это ей он готов звонить даже в Америку, награждая родителей счетами. А мне не может набрать по городскому. Оно и понятно: сразу после расставания звонят любимым. Не друзьям.

Первая ночь за три недели, когда я была дома, и эта ночь оказалась настолько невыносима. Я напилась. Стало еще хуже. Я была готова встретиться с кем угодно, пойти куда угодно, лишь бы не быть одной.

Позвонила Жене. Сонный женский голос ответил:

— Алло.

— Здравствуйте. Я могу поговорить с Женей?

— Кто его спрашивает?

— Это Наташа.

— Наташа, у тебя совесть есть? Полпервого ночи.

— Но мне очень надо.

— Спокойной ночи. Будешь названивать — вызову милицию.

— Мальчик — мамина пися, — в сердцах сказала я, когда положила трубку.

Кому еще могу позвонить? Гене? Диме? Карену? Нет, Карену нельзя. Он теперь клиент, а общение с клиентами вне комнаты противоречит правилам клуба. Перед глазами встало лицо Лены, когда ей прижимали дверью ногти. Стало страшно. А что если я тоже сделаю что-то, что противоречит правилам клуба? Со мной тоже вот так — дверью по ногтям? Я поежилась, представив это. Уж лучше Гена, чем такие мысли в голове. Набрала его.

— Привет, Ген. Не спишь?

— Нет. Кто это?

— Наташа.

— Наташа?

— Из бильярдной.

— А-а-а, Наташа. Ну, привет-привет. Давно тебя, кстати, там не видно. Личную жизнь устроила, старых друзей забыла?

— Не забыла. Приезжай ко мне в гости. Прямо сейчас.

— Да ты ж моя родная! Диктуй адрес!

Он приехал через двадцать минут, уехал через сорок. Даже шоколадки к чаю не привез, потому что

ему вообще по фиг. Такой же клиент, как и все. Только халявщик. После его визита стало еще хуже. И зачем я ему позвонила? Такие Гены от одиночества не спасают, они его усиливают. Я выпила две таблетки аспирина, чтобы не было похмелья, и завалилась спать.

В конце августа встал вопрос: продолжать танцевать или вернуться к занятиям? К тому моменту я так вымоталась — и морально, и физически, что мысль о размеренной жизни, в которой есть место ночному сну, лекциям, библиотеке, вечернему телевизору, была мне приятна. К тому же, если я брошу институт, об этом станет известно матери. А ее я боялась. Несмотря на то что мы виделись всего-то два раза в месяц, когда я приезжала за деньгами, в которых теперь не нуждалась.

Я пыталась разобраться в своем отношении к ней, но там были такие дебри — старик Фрейд обрыдался бы, что пришлось оставить эту затею. Я четко поняла одно: мать я не любила, но ревновала. К новому ребенку. И хотела, чтобы однажды она поняла, что этот гадкий ребенок — гораздо хуже, чем я, и пожалела бы о том, что его родила.

Боязнь матери плюс усталость говорили в пользу того, что клуб пора оставить.

С другой стороны, я уже привыкла к деньгам, привыкла к тому, что в продуктовом магазине можно не смотреть на ценник, что можно зайти в итальянский

магазин и накупить там классных шмоток, а не тащиться на вещевой рынок и копаться в груде убогого тряпья в поисках чего-нибудь более-менее приличного, но недорогого. А потом не примерять это «недорогое» у всех на глазах. И не ходить по институтским коридорам такой же безликостью, как все остальные.

Я представила, как заявлюсь первого сентября на занятия в навороченном комбинезоне с золотыми цепями, в белой рубашке с запонками и лакированных туфлях на шпильке. Представила, как надену на встречу с Варвиной узкое красное платье с глубоким декольте, которое купила после первой недели работы. Представила, как выбираю к зиме норковую курточку. Эта курточка оказалась весомым аргументом в пользу того, что работу бросать нельзя.

Поскольку я не хотела отказываться ни от учебы, ни от работы, я решила поговорить с Анной Витальевной. Может, она разрешит мне танцевать по выходным? Конечно, это противоречит правилам клуба, но я как-никак лучшая. Должны же быть какие-то льготы.

Анна Витальевна выслушала меня, не перебивая, ничем не выражая своего отношения к моему предложению, и только когда я закончила, сказала:

— Мне очень жаль, но это противоречит правилам клуба.

— Но почему?!

— Потому что ты не одна такая, которая хотела бы работать не по полной, а от случая случаю, когда

деньги нужны. Знаешь, как это называется и к чему приводит?

— Нет.

— Это называется «подбомбить передком» и влечет за собой бардак. Например, клиенту понравилась девочка и он приходит в клуб еще раз. Исключительно ради нее. А она не вышла, потому что сегодня у нее деньги есть. Что почувствует клиент?

— Разочарование.

— Вот именно. А разочарованный клиент — удар по репутации и доходам клуба. Согласна?

— Да. Но есть одно «но». Я — лучшая.

— С этим трудно спорить.

— И я готова работать по выходным. Сделайте мне рекламу. Что-то вроде: «Теперь Натали Фаталь — только в пятницу и субботу! Не пропустите!». И увеличьте мой тариф. Все же знают, что я лучшая, пусть за это платят. Тем более мужики любят платить за лучшее. За класс «люкс». Разве нет?

— И с этим трудно спорить. Скажи: почему ты больше не хочешь работать полную неделю?

— У меня начинается учеба.

— Уважаю. Из тебя может выйти толк. Давай договоримся так: я даю тебе возможность работать по выходным и поднимаю твою цену до двух тысяч, но клубу ты теперь будешь отдавать половину, а не сорок процентов. И если собственники сделают тебе предложение о работе в Москве, ты от него отка-

жешься. Скажешь, что не хочешь бросать учебу. Согласна?

— Да.

— Но смотри: если обманешь и замахнешься на Москву, я найду способ, как выразить свое недовольство твоим поступком.

— Знаю, — ответила я, вспомнив черные ногти девочек.

По институту я ходила, не чувствуя под собой земли. Мне все казались жалкими со своими несчастными полтинниками и стольниками. Я уже забыла о том, что значит ездить на маршрутке или есть в столовке сухой рис с жилистым мясом, который почему-то называется «плов». Женя мне тоже казался жалким. У него до сих пор даже мобильника не было.

— Бабла на тебе немерено, — сказал он в первый день занятий. — Откуда?

— От верблюда, — хмыкнула я и удалилась походкой моделей с FTV.

Это «бабла на тебе немерено» мне очень понравилось. Пусть локти кусает. Пусть думает, что у меня появился крутой спонсор, который очень скоро заберет меня в Москву. Пусть все так думают.

Я нисколько не беспокоилась о том, что кто-то из моих сокурсников узнает, чем я занимаюсь. Во-первых, студенты физфака, да и всего педа, по дорогим клубам не ходят. Они в общаге бухают или где-нибудь на ветряке. А во-вторых, если кого-то туда и занесет, то

он увидит, что я просто танцую. Ну, раздеваюсь. И что из того? Снять девушку этим бедолагам и в голову не придет. Они же нищие. И отсталые.

Да, студенты growingпединститута были именно такими. Но я совсем забыла про универ. Точнее, про его юрфак и РГФ. Золотые детки. Они-то по клубам ходят. Еще как. По полной.

И однажды они пришли. И Варвина с ними. Куда ж без нее? Сука!

А у меня был новый номер. Cheer leader. Собранная, энергичная, самоуверенная школьная звезда. Навеяно фильмом «Красота по-американски». До меня никто с такими образами не работал. Все было банально: восточная красавица, кау-герл, вамп в латексе. Скукотища. Но что еще могли выжать из своих микромозгов дремучие шлюхи во главе с неудовлетворенным стареющим пидором? Я же много читала и смотрела правильные фильмы. Одним словом, я была им не ровня.

Я вышла такая гордая, поначалу не глядя в зал. Так и было задумано. А когда снизошла посмотреть на зрителей, чуть не завалила номер, даже пошатнулась: на меня, раскрыв пачку, пялилась Варвина вместе со своими друзьями-подружками. Теми самыми, со дня рождения. В голове пронеслось: слава богу, Лешки нет. Только эта мысль помогла мне взять себя в руки и отработать выход.

— С тобой все в порядке? — спросила Анна Витальевна за кулисами.

— Да. А что?

— Ты чуть не упала. Может, я поторопилась перевести тебя на льготное положение?

— Вы прекрасно знаете, что нет.

— Не хами. Иди. Тебя клиент ждет. В третьей.

— Это вы мне не хамите! — взорвалась я.

Анна Витальевна ударила меня по лицу. Не больно, но обидно. Спросила:

— Еще?

Я развернулась и молча пошла в комнату. Уеду! Уеду! Уеду! Пусть только москвичи предложат! И ничего ты мне не сделаешь, вобла очкастая!

Перед тем как открыть дверь к клиенту, я перевела дух и нацепила задорную улыбку. И осеклась. Сидя на краешке кровати, меня ждала Варвина. Удивительно прямая спина и руки, сложенные в замок, на коленях.

— Ты что здесь делаешь? — выдавила из себя я.

— А ты? — уставившись на меня ледяными глазищами, спросила она. Очень спокойно.

— Не видишь?

— Вижу. И ты считаешь это нормальным?

— Да, я считаю это нормальным. Я зарабатываю деньги.

— Проституцией?

— Проститутки вдоль трассы стоят, а я танцовщица. Причем лучшая.

— Наташа, ты — проститутка, — чеканя каждое слово, произнесла Варвина.

— И что?! — я перешла на крик. — Шлюхи правят миром!

— Начиталась дешевой литературы по стервологии для ожиревших домохозяек?

— Это история!

— Дура ты, — сказала она как-то очень грустно, моментально сбив с меня тем самым боевой настрой. — Так и думаешь здесь работать?

— Пока да. Только никому не говори. Чтобы до матери не дошло. И Орлову тоже не говори.

— Не скажу, — кивнула Варвина и вдруг заплакала.

— Ты чего?

— Мне очень жаль тебя.

Я посмотрела на нее и улыбнулась:

— Не верю.

— Что?

— Ты самое эгоцентричное существо из всех, кого я встречала. Жалеть ты не умеешь. Не потому что сука, а потому что тебе до других дела нет. У тебя у самой что-то случилось, ведь так?

— Я замуж выхожу.

— Что?!

— Что слышала. За Орлова.

— Как за Орлова? — одними губами спросила я. Голос был да весь вышел.

— Очень просто. Я в Америке с парнем встречалась. Альпинист из Москвы. Метр девяносто пять. Красивый, ржачный. А перед его отъездом мы пору-

гались, и с тех пор он мне не звонит, не пишет. Я вернулась домой, ждала. Фиг! Но я первая тоже писать не буду.

— А Лешка-то тут причем?

— Он предложение сделал, и я согласилась.

— Зачем?!

— От злости на Павлика. Пусть не думает, что я его звонка до скончания века ждать буду. Я ему еще свадебные фотки зашлю.

— Ты же сказала, что не будешь первая писать.

— Писать не буду, а фотки зашлю.

— Так нельзя!

— Так, — Варвина брезгливо указала пальцем на кровать, — тем более нельзя, но ты же делаешь.

— Но ты не любишь Орлова! Это глупо. Ты наносишь вред другому человеку!

— А ты наносишь вред себе. Это еще глупее.

В комнате раздался звонок.

— Что это? — спросила Варвина.

— Время вышло.

— Ну, пока.

— Деньги.

Она протянула мне две тысячные купюры.

На мгновение мне стало стыдно.

— Дело не в деньгах, понимаешь? А в том, что я провела с клиентом полчаса и вышла с пустыми руками.

— Понимаю. Встретимся как-нибудь? Мы же с тобой так хорошо дружили.

Мне хотелось сказать, что мы никогда не дружили, что я ее всегда ненавидела, а она относилась ко мне свысока, но вместо этого я ответила:

— Заезжайте ко мне с Лешкой.

То ли мне показалось, то ли и в самом деле она чуть скривилась, услышав имя будущего мужа.

Когда я выходила со следующим номером, Варвиной и компашки уже не было. Хоть на это хватило такта.

У них была очень дорогая свадьба. С лимузином, который Анжелкин всемогущий папа выписал из Москвы. Меня тоже пригласили, несмотря на то что ее мамаша в свое время меня послала. Думаю, что, позвав меня, Варвина пошла против ее воли. Не потому, что воспылала ко мне искренней дружбой, и не потому, что мне сочувствовала, а потому, что я стала ей интересна. Впервые за годы нашего общения.

Я занималась чем-то запретным. У меня была своя, тайная жизнь, неотъемлемой частью которой являлся порочный, романтизированный в фильмах стриптиз. А я не развеивала романтическую пыль вокруг этого явления.

До свадьбы мы несколько раз с Варвиной бухали. Поначалу с ее стороны были попытки поиграть в Мать Терезу — спасительницу заблудших душ, но я обернула все так, что она почувствовала себя тухлой и занудной. Никогда раньше с ней этого не случалось. Никогда прежде она мне не завидовала. А я все очень красиво описывала, умалчивая о пощечинах от Анны Витальевны,

о наказаниях, которым подвергались девочки за провинности, о клиентах, которые, в принципе, были нормальными мужиками, но от которых уже тошнило. Я приходила на каждую встречу в новых шмотках — точно не хуже, а может, и лучше, чем у нее, — и играла в звезду. Она видела меня, разодетую и уверенную в себе, и постепенно брезгливость, которую она испытала, увидев меня в комнате, сменилась интересом и даже завистью.

На свадьбу я надела кожаные брюки и новую норковую курточку. Я выложилась по полной, чтобы успеть на нее заработать. И подарок купила дорогой: цифровой фотоаппарат. В ресторане варвинская мамаша подозрительно на меня косилась: видимо, решила, что у меня богатый женатый любовник. Я решила ее не разочаровывать и когда она не выдержала и спросила: «Наташа, почему ты одна? Где твой молодой человек?» — заявила: «Мой богатый и женатый любовник субботние вечера проводит с женой и детьми». Дура ничего не ответила. Похлопала-похлопала глазами с перламутровыми веками и отошла трясти щеками в другом месте.

А Лешка выглядел очень счастливым. Волновался, был немного напряжен, но весь светился. Уже в ресторане он подошел ко мне чуть поддатый и, тряся меня за плечи, сказал:

— Наташка, ты не представляешь, какое это счастье! Не представляешь!

Я едва сдержалась, чтобы не расплакаться. В тот момент больше всего на свете мне хотелось быть на месте Варвиной.

А утром, страдая от похмелья и неразделенной любви, я написала стихотворение:

Я вернусь.

Я приеду к тебе через сотни
Нас, увы, разделяющих дней,
Разобью серо-хмурые будни
С вереницей бессонных ночей.

Я ворвусь к тебе утром морозным,
Вкус апреля храня на губах,
И росою покажутся слезы,
Что в моих ты увидишь глазах.

Ничего не скажу тебе, милый,
О теперешней жизни своей.
Было время — тебя я любила,
А сегодня люблю лишь сильней.

Я смогу вновь побыть настоящей,
Как и прежде, лишь рядом с тобой.
Мне, как ласточке, вечно летящей,
Пусть недолгий, но нужен покой.

Я к щеке твоей, вечно небритой,
Лишь губами слегка прикоснусь.
Наша ночь все еще не забыта,
И в нее я однажды вернусь.

Я сроду не видела у Орлова небритых щек и наличие в тексте «сотен дней», которые нас якобы разделяют, могу объяснить лишь необходимостью рифмы, но все равно стихотворение получилось очень проникновенным.

Первое время после свадьбы Варвина мне звонила, приглашала в гости (они жили отдельно, в новой квартире с евроремонтом), но я всякий раз ее сливала: не могла выносить Лешкиного осатаневшего от счастья лица. Звонки с приглашениями быстро прекратились. А Орлов и вовсе забыл о моем существовании, даже с днем рождения не поздравил.

По будням я училась, по выходным пахала в клубе. Второй курс закончила без «троек», но так вымоталась, что после сдачи последнего экзамена улетела в Турцию и тупо провалялась две недели в шезлонге у бассейна. Я бы и больше провалялась, но, во-первых, нельзя было надолго бросать работу, а во-вторых, мне по-прежнему приходилось раз в две недели ездить к матери за деньгами. Под каким предлогом от них отказаться, я не знала, поэтому надевала старое шмотье и ехала. Хоть мне это было не нужно и даже неприятно.

Я видела, как мать обожает своего нового ребенка. Она об этом никогда не говорила, но в одном ее взгляде, брошенном в его сторону, в одном только слове, обращенном к этому мелкому рыжему ублюдку, было столько ласки, нежности и любви, сколько я от нее за всю жизнь не получила. В такие моменты меня захлес-

тывала обида, и я старалась как можно скорее уйти. Иногда в буквальном смысле, даже чаю не попив. Кажется, мать была мне за это только признательна. Она задавала два дежурных вопроса: «Как учеба?» и «Как здоровье?», слышала в ответ: «Нормально», протягивала деньги и банку с котлетами и считала на этом свой материнский долг по отношению ко мне исполненным.

На третьем курсе я купила машину — подержанный «фиат», а Варвина с Орловым развелись.

Как-то она позвонила и с места в карьер заявила:

— Я к тебе сейчас подъеду.

Как будто мы общались только вчера, а не полгода назад. Но в тот момент недосуг было размышлять на тему общего Анжелкиного свинства. Меня напряг ее голос. Он был радостно-взволнованным. Сердце ушло в пятки: вдруг она беременна? Тогда Лешка с ней точно не расстанется и все мои надежды, что однажды он поймет, какая она эгоистичная и пустая, накроются медным тазом.

— Ну, так что? Подъеду?

— Да-да, конечно, подъезжай, — ответила я, настроившись уговорить ее сделать аборт.

Варвина влетела, чуть ли не танцуя:

— Наташка! Ты не представляешь, какая я счастливая!

Я тут же вспомнила сияющего Орлова, который тряс меня на свадьбе за плечи и говорил точно такие же слова.

— Что случилось? — я заставила себя улыбнуться.

— Я уезжаю. В Москву! В Москву! В Москву! — Варвина запрыгала на месте.

— Что? — я опустилась на стул.

Хуже новости и представить трудно: эта сука с моим Лешкой уезжают. В Москву. Куда должна была уехать я, а они — остаться здесь. Навсегда.

— Что слышала! Я уезжаю в Москву!

— А учеба?

— Уже договорились! Переведут! Круто?

— И Лешку переведут?

— Блин, — наконец Варвина перестала скакать как ненормальная. — Вот о нем я и хотела поговорить. Он не едет, понимаешь?

— Как не едет? Он же твой муж.

— Я хочу развестись.

И тогда я, уже окончательно павшая духом, вдруг почувствовала такой толчок счастья, что не смогла сдержаться и рассмеялась.

Варвину моя реакция удивила и даже обидела.

— Не понимаю, что смешного?

— Не обращай внимания. Это я от неожиданности. Вы же и года вместе не прожили. Почему?

— Не люблю я его.

— А он в курсе?

— В том-то и дело, что нет. Он сам так сильно влюблен, что ничего вокруг не замечает. По-моему, это клиника, и меня это беспокоит.

— Я тебя предупреждала: не стоит с ним играть.

— Я помню, поэтому и приехала к тебе. Мне нужна твоя помощь.

Варвина рассказала, что все-таки списалась со своим альпинистом, что тот страшно расстроился из-за ее замужества и тут же убавил гонор, что она его помурыжила, а потом дожала, что он уже несколько раз приезжал в Воронеж и неделю назад сделал ей предложение.

— Вот за него я хочу замуж. С ним мне по-настоящему прикольно.

— Анжел, ты дура? — глядя в ее бесстыжие глаза, спросила я. — По-твоему, «прикольно» и есть синоним «люблю»?

— Дураки — те, кто этого не понимает, — рассмеялась Варвина. — Проще надо ко всему относиться, не париться.

— Ну хорошо. От меня-то ты чего хочешь?

— Когда я уйду от Лешки, помоги ему. Он реально может слететь с катушек.

— Накосячила, а разгребать предлагаешь мне? Перекладываешь ответственность? Нет уж! Ты его жена!

— А ты — подруга, — пожала плечами Варвина. — И дружите вы гораздо дольше, чем мы женаты. Хотя... Не хочешь помогать — не надо. Пусть пропадает. В конце концов, каждый сам отвечает за свою жизнь. А у Лешки есть мозги. Если бы он удосужил-

ся их включить, то давно бы понял, что я его никогда не любила.

Это «я его никогда не любила» было сказано с такой беспечностью и вместе с тем звездностью, что я отчетливо осознала: мне никогда не дотянуться до Варвиной. Как бы я ни старалась, сколько бы над собой не работала, на ее фоне я всегда буду «вечно второй». Она от рождения — Голливуд, а я — «Мосфильм». И с этим ничего не поделаешь. И слава богу, что она уезжает. Пусть валит как можно дальше. Главное — с ней не пересекаться. Тогда и «Мосфильмом» быть неплохо. Только бы рядом не блистали огни Голливуда, не маячила эта сука.

— Хорошо. Я помогу тебе, — сказала я.

— Гран мерси. Так я могу сказать Лешке о разводе? В случае чего, поддержишь его?

— Да.

— Вот и славненько. Ну, я побежала?

— Давай.

Когда она была уже на пороге, я вдруг спросила:

— Анжел, а что тебе, собственно, до Лешкиного состояния? Чего ты так о нем печешься? Тебе же это несвойственно.

— Я пекусь о нем ради собственного душевного покоя. Еще наложит на себя руки, а мне потом ходи, чувствуй себя виноватой, — с улыбкой ответила эта дура, но, наткнувшись на мой взгляд, осеклась. — Ой, прости. Я совсем не то хотела сказать.

— Пока, — я закрыла дверь.

Лешка приехал ко мне в тот же вечер. Мне еще никогда не доводилось видеть настолько раздавленного, потерянного человека. Варвиной так не терпелось от него избавиться и расчистить поляну своей никчемной жизни для новой легонькой любви, что она выложила ему все на ночь глядя. Он, не стесняясь, плакал и твердил одно: «Почему?» — с таким бессмысленным взглядом, что я испугалась: а вдруг Варвина права и он реально может спятить? Заснул Лешка только под утро и то когда решил, что еще не все потеряно и он обязательно поговорит с женой и все выяснит.

Орлов отказался принять реальность, не поверил в то, что Варвина его никогда не любила. Не верил он в это и после того, как развод состоялся, и после того, как она наконец-то свалила в Москву. Поначалу нес херню про кризис в их отношениях, потом мечтал, чтобы у нее там не сложилось и она вернулась, потом возненавидел ее, продолжая слать ей эсэмэс.

Я знала про эсэмэс, потому что Лешка со мной жил. Он не мог находиться ни один, ни с родителями, а я была удобным вариантом. Я была в курсе всей его истории, и у меня были уши, куда он сливал весь свой любовно-уязвленный бред. Сначала по-дружески, не маскируясь, а после того, как стал регулярно со мной трахаться, завуалированно. Заменил «я не могу без нее» на «когда-нибудь она обломается», признался мне в любви и решил, что всех обманул: меня, себя, родителей.

Его родители, кстати, были рады и его разводу, и нашим с ним отношениям, а мама — Вера Петровна — всячески способствовала тому, чтобы он ко мне переехал. Мы с ней очень сблизились на почве общей нелюбви к Варвиной, и она стала моим союзником.

— Я с самого начала видела, что она его не любит, и вижу, как ты к нему относишься, — сказала как-то Вера Петровна.

— Он не может выкинуть ее из головы.

— Это пройдет. Я знаю своего сына. Со временем все образуется. Просто не обращай внимания.

Не обращать внимания было трудно. Я для него жертвовала всем: временем, нервами, эмоциями, работой, наконец. Я перестала танцевать с тех пор, как мы стали жить вместе. Из-за внезапного ухода мне пришлось выплатить клубу приличную неустойку. На прощание Анна Витальевна сказала:

— Надеюсь, мужик того стоит. Часто девочки бросают работу из-за таких придурков, что начинаешь сомневаться в их умственной полноценности.

— Нет, мой не такой, — ответила я не очень уверенно.

После переезда ко мне Лешка сильно изменился. Если раньше объектом его злости была Варвина, то теперь им стала я. Точнее, на меня он выплескивал злость, предназначенную ей.

Однажды заперся в ванной на три часа, я уже легла спать. Вдруг заходит в спальню, врубает свет и недовольно заявляет:

— Спишь, что ли?

— Сплю.

— Ну, спи, — отвечает и хлопает дверью, не выключив свет.

Конечно, я не заснула. Дождалась, пока он отрубится, и залезла к нему в мобильник.

Все сразу стало понятно: пока сидел в ванной, переписывался с Варвиной. Его «Привет! Чем занимаешься?» и «Я ни с кем не сплю» против ее «Ну, отвянь, а?» и «Живи своей жизнью».

Господи, какой же он жалкий! Не спит он! Я так стараюсь, выкладываюсь в койке по полной. По часу сосу, потом губы болят, потому что этот мудак кончить не может. В двадцать-то лет! У меня мужики за полтинник за пять минут выстреливали, а это мнительное чмо окопалось в своих психологических проблемах. Я зло швырнула мобильник прямо ему в рожу. Чуть не попала.

— Что? Что такое? — завертел он башкой спросонья.

— Это ты мне объясни, что такое! — заорала я. — Что это, блин, такое?! Ни с кем не спишь, да? Скучаешь, да? Скотина! Сволочь! Проваливай! Пошел вон отсюда!

Я кричала так, что, казалось, слышу, как собственный голос режет воздух вокруг.

Лешка вдруг сделался таким маленьким.

— Нет, нет. Пожалуйста. Успокойся. Я просто так написал. Хотел ее подразнить. Не знаю зачем. Я тебя

люблю. Мне ты нужна. А она на хер не нужна. Я на нее просто злюсь, — залепетал он.

— Долго это будет продолжаться?! Долго ты будешь надо мной издеваться?!

— Нет, нет. Все прошло. Ну, хочешь, я ее телефон сотру? Хочешь?

— Сотри.

Он стер. При мне. «Жены» в его телефоне больше не было. Зато уже на следующий день появился «Жека» с московским номером телефона Варвиной.

Я знала этот номер. Мы с ней тоже переписывались. Лешка был просто не в курсе. Она мне писала про то, как у нее все зашибись. Я отвечала что-нибудь нейтральное. Про себя ничего не рассказывала, а Варвина и не интересовалась. Моя жизнь была ей глубоко по фиг. Поэтому она долго не знала, что я живу с Орловым. Иногда ей приходило в голову спросить: «Не знаешь, как там Лешка?» Я отвечала: «Нормально», на что мне тут же летела эсэмэс: «До сих пор не отстает, представляешь?»

Варвиной стало известно о том, что мы с Лешкой живем вместе, летом после третьего курса. Она прикатила в Воронеж к родителям. С новым мужем. На черном «геленвагене». Украла мою мечту, заменив красный кабрио на огромную уродливую будку на колесах.

— Я приехала! — позвонила она мне утром. — Вечером собираю всех в «Золотом дереве». С мужем познакомлю. Он у меня клевый. Приходи!

Услышав это «он у меня клевый», я захотела ее уесть. Глупо, конечно. Сама не знаю, чем я там собиралась ее «уедать», когда заявила:

— Я с Орловым приду.

— С Орловым? Ну, не знаю. Я понимаю, что вы друзья, но, боюсь, он будет ко мне липнуть. Павлику это может не понравиться.

— Не будет он к тебе липнуть. Он теперь со мной.

— Как это?

— Очень просто: мы живем вместе.

— Да ладно! Что, правда? Прикольно! Ну, тогда, конечно, приходите! Блин, ну надо же! — рассмеялась Варвина.

Уела, называется. Эта сука еще и ржет. Высокомерие так и прет. Даже не заревновала. Наверное, чувствует себя боярыней, кинувшей холопке надоевшие бусы. Бусы в виде Орлова.

— Леш, Варвина с новым мужем приехала. Приглашает нас в «Золотое дерево».

— Я никуда не пойду.

— Почему?

— Не хочу.

— Нет, пошли! Я уже сказала, что мы придем. Если откажешься, она будет думать, что ты струсил, что ты до сих пор по ней паришься.

— Мне по фиг.

— А мне нет! Я не хочу, чтобы Варвина считала, что мой мужчина по ней сохнет.

— Ты что, ей сказала? — Лешкины глаза округлились. — Зачем?! Кто тебя просил?!

— А что такого? — напряглась я. — Хочешь, чтобы она думала, что ты свободен?

— При чем тут это?

— При том! — я разревелась. — Ты все время о ней думаешь, а она уже давно живет с новым мужем. Ты задолбал ее своими жалкими эсэмэс! Она ржет над тобой! Как ты не понимаешь?

— Это она тебе сказала? — Лешкино лицо стало каменным.

— А кто еще?!

— Ладно. Пойду, — отрезал он и вышел из комнаты.

В «Золотом дереве» был настоящий бенефис Варвиной. Она — с уже появившимся налетом столичного лоска, муж — молодой и красивый, видно, что при деньгах. Мы с Лешкой очень старались, вырядились во все самое дорогое — не помогло: за этой парочкой было не угнаться. Варвина представила своему альпинисту Лешку, смеясь:

— Павлик, познакомься: это мой муж номер раз.

— Привет, а я муж номер два. Надеюсь, final version this time, — улыбнулся Павлик и подмигнул Варвиной. — Да, малыш?

— It depends, — ответила она, как всегда жеманничая. Англофилы херовы!

Казалось, всем было весело, и только мы с Лешкой сидели как на похоронах: ничего в горло не лезло. От зависти, злости, обиды.

Когда врубили медляк, Лешка двинул к принцессе:

— Потанцуем?

— Давай, — пожала плечами та.

Павлику пришлось пригласить меня. Он был огромным и загорелым. От него приятно пахло. Рядом с ним я вдруг почувствовала себя скованной, деревянной. Словно и не извивалась у шеста несколько месяцев назад.

— Ты какая-то напряженная, — оскалился он. Как мне показалось, высокомерно.

— Нормальная, — огрызнулась я.

Остаток танца мы дотоптались в молчании. Ему было по фиг, а мне неловко, и не потому, что он мне нравился. Даже наоборот. Выхоленный до противности сексапил. Просто я понимала: этот парень — совсем из другого теста, он — гораздо выше классом, чем я. И Варвина вместе с ним. Как я ни старалась обогнать эту суку, как ни вкалывала у шеста, она вместе со своим московским мачо все равно далеко впереди. И что самое обидное без особых усилий.

После этого вечера наша жизнь с Лешкой изменилась. Поначалу казалось, в лучшую сторону: он как-то стих, даже стал нежен со мной, а потом, под напором собственной матери, сделал мне предложение. В сентябре мы поженились. На свадьбе впервые за много лет моя мать меня обняла. Все вроде бы налаживалось. Ну, или почти все.

Была одна проблема: мы с Лешкой стали меньше трахаться. В первое время я не обратила на это внима-

ния. Секс уходил из нашей жизни постепенно, без драматизма. Два раза в неделю незаметно сменились двумя разами в месяц. Потом как-то само собой получилось, что за декабрь мы ни разу не переспали. Потом, выпив чуть больше вина, переспали, но Лешка не кончил. Просто улыбнулся и сказал, что ему и так хорошо. Такой ущербный секс был у нас еще несколько раз, в каждый из которых я упрямо хотела довести мужа до оргазма. Он деликатно пытался меня отстранить. Иногда ему это удавалось, но чаще я настырничала до тех пор, пока Лешка не вставал и не выходил из комнаты.

А потом секс и вовсе исчез. Я пару-тройку раз пыталась проявить инициативу, но Лешка уворачивался, и мне пришлось оставить его в покое.

И даже тогда я не слишком забеспокоилась. Ведь еще в самом начале нашей совместной жизни Лешка не отличался повышенной половой активностью, предпочитая страстным объятиям разговоры, а я, охваченная радостью от того, что он наконец-то со мной, упустила тот факт, что, вместо того чтобы срывать друг с друга одежду, мы все чего-то обсуждали и обсуждали. Точнее, не чего-то, а кого-то. Ее. Проклятую Варвину. И лишь иногда разбавляли беседы о ней историями из нашей общей школьной жизни. Мы общались как давние знакомые, и это мне не казалось странным.

Как-то мы возвращались домой от его родителей. Муж был за рулем. Вечер прошел вроде бы нормально:

свекровь опять подкинула деньжат, вкусно накормила, насовала с собой свертков, но, несмотря на это, я чувствовала, что во мне нарастает раздражение. Дико хотелось ссоры.

— Почему все субботние вечера мы проводим у твоих родителей? — спросила я.

— К твоим тоже заезжаем.

— Да, но не сидим у них по три часа.

— Потому что им это не нужно, а мои — скучают. Они старше твоих, и мама нам всегда так рада. Она любит тебя как родную дочь.

Да на хер мне нужна твоя мама, подумала я, а вслух сказала:

— Я тоже ее люблю.

Я посмотрела на Лешку, и мне вдруг стало жалко себя — такую молодую, красивую и недотраханную. Я ничего не смогла с собой поделать и полезла на рожон, как это уже было неоднократно.

Все повторялось из раза в раз: я кладу ладонь мужу на ширинку, заранее зная, что он эту ладонь уберет и скажет: «Не надо, Зай», на что я деланно удивлюсь и спрошу: «Почему?» Как будто секс для нас обычное дело, а это чертово «не-надо-зай» я слышу впервые. «Потому что я не хочу». «А я хочу». После этого он замолчит, и говорить буду я. Что-то вроде: «Я твоя жена, и мне нужен секс». Хотя от Лешки мне был нужен вовсе не секс. Любовь. Я хотела, чтобы он меня любил, но клянчить любовь — еще уни-

зительнее, чем предъявлять претензии по поводу секса.

— То, что у нас нет секса, — это ненормально.

В ответ — всегда тишина.

— Может, ты болен?

— Нет. Просто сейчас такой период, когда я не хочу секса.

— Я что, не привлекаю тебя как женщина?

— Не говори глупостей. Как ты можешь не привлекать как женщина? Ты очень красивая.

В тот вечер мы рано легли. Наверное, чтобы не разругаться вдрызг. Не знаю, что заставило меня проснуться в два часа ночи, но я проснулась. Лешки рядом не было. Я пошла в зал, думая, что он смотрит телек, и так и застыла в дверном проеме. Лешка энергично пыхтел перед телеэкраном. Для меня увиденная сцена оказалась настоящим шоком. Таким, что я ни слова выдавить из себя не смогла. Просто постояла пару секунд, опираясь на косяк, и вышла. А он и не заметил: настолько был поглощен процессом.

После увиденного я долго не могла уснуть и при первой же возможности перерыла все Лешкины ящики и пересмотрела все найденные диски с порнухой. Именно тогда мне открылось, что я — вся такая яркая, сексапильная и фигуристая — абсолютно не его типаж, потому что мужу нравятся тощенькие создания в белых носочках и клетчатых юбочках. Варвина была именно такой. Вечной Лолитой.

Я так возмутилась, что не заметила, как забыла выключить последний из дисков. Сидела, съедаемая злостью и обидой, а потом вдруг взглянула на экран. И не смогла отвести глаз. Мне... понравилось. Мне действительно понравилось смотреть на то, как взрослые дяди трахают молоденьких худосочных шлюшек.

С тех пор я пристрастилась к Лешкиной коллекции, к которой мы оба регулярно обращались тайком друг от друга.

Учебу мы закончили идеальными супругами: постепенно из нашей жизни исчезли ссоры, претензии, непонимание. А то, что мой муж — не секс-гигант и вообще не секс, меня уже не парило.

После получения дипломов встал вопрос: что делать дальше. Я хотела в Москву. Лешка колебался. А точнее, не хотел. И это стало первой проблемой в наших новых, безоблачных отношениях.

— Ну почему? — спрашивала я.

— Кто нас там ждет?

— Зачем тебе надо, чтобы нас ждали? Мы что, без рук, без ног?

— Там таких с руками-ногами знаешь сколько?

— И все довольны!

— Чем? Тем, что таскаются по съемным хатам, часами торчат под землей в давке, пашут как проклятые? Нет уж, я нормально жить хочу. В НИИ пойду работать.

— Ты что?! Ты в курсе, какая там зарплата?!

— Я буду подрабатывать на дому.

— Да пойми ты! Москва — это возможности, перспективы!

— Сказки для провинциалов, чтобы их заманить, выжать все соки и выплюнуть.

— Ты говоришь, как твоя мать.

— Ты что-то имеешь против моей матери?

— Нет, но... Я не хочу здесь жить. Это предкам здесь комфортно, потому что им уже ничего не надо, кроме вечерних сериалов по будням и дачи по выходным. А я денег хочу!

— Я никуда не поеду, — заявлял Лешка и выходил из комнаты.

Такие разговоры повторялись из раза в раз, и я почти смирилась. Даже нашла себе работу в гимназии, куда должна была выйти в конце августа.

И тут объявилась Варвина. Со своим Павликом. Я знала, что Лешка откажется куда-либо с ними идти, поэтому пригласила их в гости. Гостей-то он точно не выгонит.

Почему мне было не послать ее куда подальше? Почему я продолжала играть в дружбу, которая ей была не нужна, а мне — вредна? Просто мой внутренний моральный мазохизм оказался сильнее чувства самозащиты. Меня распирало заглянуть в ее жизнь. И пусть потом я буду корчиться от зависти и злобы, главное — заглянуть.

— Кто это? — спросил Лешка, когда позвонили в дверь.

— Варвина с мужем.

Он зло на меня посмотрел и в два прыжка оказался в комнате у шифоньера.

Слава богу, переодевается, подумала я и пошла открывать.

А открыв, выпала в осадок. Сучка умела удивлять. В этот раз она сделала это своим животом. Очень беременным.

— Ну, ты даешь, — сказала я.

— Это Павлик дает. Обрюхатил так, что я и не заметила. Хочет, чтобы я стала толстая и некрасивая.

— Я хочу, чтобы ты стала мамочкой, а я папочкой, — улыбнулся Павлик и поцеловал ее в щеку. Так сиропно. Так противно. Так завидно. Лешка никогда так не делал.

Когда он увидел Варвину, то встал как к полу прибитый.

— Ну, что застыл? Иди обними свою бывшую беременную жену, — рассмеялась Варвина.

Лешка промямлил:

— Поздравляю.

— Блин, как же мы давно не виделись, — заявила сучка. — Даже не верится: мне через два месяца рожать, вы женаты, а кажется, что только вчера закончили школу, правда?

Я вспомнила, сколько у меня всего произошло за последние пять лет, и ответила:

— Кому как.

— Что делать думаете? Где работать? — спросила она.

— Я в НИИ, Наташа — в гимназии, — выдал Лешка, лишив меня возможности ответить покреативнее.

— Серьезно? — скривилась Варвина. — Ну это как-то по-старперски, разве нет?

— Это временно. Мы, вообще-то, в Москву планируем, — выпалила я, многозначительно глядя на Лешку, чтобы тот не вякнул лишнего.

— А что планировать-то? В Москву ехать надо, — сказал Павлик.

— Тебе легко говорить. Ты там родился. А мы в Москве никому не нужны, — завел любимую пластинку лузера муж.

— Анжела тоже не в Москве родилась, но кое-кому она там очень нужна, — Павлик обнял ее за плечи.

Сучка беззаботно кивнула. Как будто это само собой разумеющееся — быть нужной такому парню, красавцу-москвичу с набитым кошельком.

— А кто ты по специальности? — обратился тот к Лешке.

— Программист.

— Я могу взять тебя к себе в IT-отдел. В строительную компанию.

— У тебя своя строительная компания? — не удержалась я, чувствуя мощный удар зависти. Прямо в солнечное сплетение.

— У отца. Я работаю замом генерального.

— Компания называется «Реалстрой». Можете в интернете посмотреть. Очень крупная, — самодовольно заявила Варвина.

— Сразу даю полтинник в месяц, потом накинем. Если будешь вкалывать, в конце года получишь приличный бонус.

— А Наташку можешь взять к себе секретарем. Ты же вроде хотел свою сменить, — сказала Варвина.

— В принципе, могу. Только она без опыта работы. — Павлик глубокомысленно потер подбородок.

Они обсуждали меня и Лешку, как будто нас не существовало.

— Ну и что? Быть секретаршей — большого ума не надо. А Наташка — очень способная. В школе отлично училась, физфак закончила. А физфак для девушки — это уровень.

— А языки?

— У нее хороший английский. По крайней мере, в школе был. — Варвина наконец-то соизволила вспомнить обо мне. — Наташ, как у тебя с английским?

Сама не знаю почему, но я промямлила:

— Я могу подтянуть. Если надо, похожу на курсы.

— Вот видишь! — просияла Варвина, обращаясь к мужу. — Павлик, возьми Наташку к себе. Ну, ради меня.

— Только работать придется много. Я трудоголик, — заявил Павлик.

— А зарплата? — спросила я.

— Тоже полтинник. Плюс бонусы.

Стольник на двоих! Еще и бонусы! Ну, где мы в Воронеже столько заработаем? Я испытала странное чувство — смесь радости и унижения. Радости — оттого, что появилось предложение о работе в Москве. Два! Целых два предложения! Унижение — оттого, что придется пахать на Варвинского мужа. Опять она — королева, а я — простолюдинка. Она наслаждается жизнью, я вкалываю. Как всегда. Но, с другой стороны, главное — зацепиться: поработаем у Павлика, потом свалим, найдем что-нибудь получше. Оставалось самое трудное — уговорить мужа.

В первую неделю после визита гостей об этом и речи быть не могло: Лешка объявил мне бойкот. Разозлился из-за того, что не предупредила его о приходе Варвиной.

— Я не был готов к этой встрече, — заявил он и ушел спать на диван.

Поскольку мы не трахались, надеяться на то, что рано или поздно его либидо перевесит детские обидки, было глупо, и хоть я не чувствовала себя виноватой, мне пришлось пойти на примирение первой. На седьмой день молчания я испекла на завтрак оладьи.

— Вкусно? — спросила я.

— Вкусно, — буркнул муж.

— Давай поговорим?

— Давай.

— Леш, я в Москву хочу.

— Я в курсе.

— Поехали вместе?

— Хочешь сказать, что, если я откажусь, ты уедешь одна?

— Не понимаю, почему ты должен отказываться. Если мы уедем, мы ничего не потеряем. Не понравится — вернемся. В любой момент. Квартира есть. Продавать ее я не собираюсь. К тому же, едем не на пустое место. По связям. Как ты и хотел.

— Неужели не понимаешь, что меня ломает пахать на ее мужа?! Меня от одного его вида трясет, а ты с ними чаи распиваешь, связи налаживаешь! — взъелся Лешка, отшвырнув вилку.

— Прекрасно понимаю, — спокойно ответила я. — Более того, я Варвину ненавижу. С тех самых пор, как она пришла к нам в класс. Ненавижу за то, что ей все так легко дается, что ты до сих пор ее забыть не можешь, что я на ее фоне — вечно вторая, хотя объективно я красивее и умнее.

— Тогда зачем?! — Лешка удивленно посмотрел на меня. — Зачем ты туда лезешь?

Я задумалась. А действительно, зачем? То, что мне до нее не дотянуться, я поняла и почти с этим смирилась. Почти. Ключевое слово. Маленький червячок надежды, который ест изнутри. А вдруг? Вдруг я смогу все изменить? Вдруг смогу переплюнуть эту самодовольную суку, стать круче, успешнее, пусть и начав с такой ма-

ленькой позиции, как секретарша ее мужа. Сегодня секретарша, завтра жена. Эта мысль взорвала мой мозг. Ну конечно же! Как я раньше об этом не подумала? Я уведу у нее Павлика! Работая с ним бок о бок, сначала стану полезной, потом незаменимой и, наконец, любимой. Да! Да! Да!

Я решительно посмотрела на мужа:

— Леш, я по-любому поеду. Вопрос в другом: ты со мной или нет?

Он промолчал. Взял ключи от машины и поехал к матери. Вернулся вечером и сказал:

— Я с тобой. Но только с условием: если в первый год ничего не добьемся, вернемся назад. Прожить жизнь провинциала-неудачника я не хочу.

— Я тоже не хочу. Если не получится, обязательно вернемся, — просияла я, заранее зная: уж я-то точно никуда не вернусь.

В Москву мы приехали в конце августа с двумя чемоданами. На Павелецком нас встретил водитель «Реалстроя» и отвез в квартиру на Севастопольской. Скромная однушка: из мебели — только самое необходимое и уже сильно поюзанное. Зато в пятнадцати минутах ходьбы от метро. Квартиру нам нашла Варвина и сама внесла за нее депозит и плату за первый месяц.

— Отдашь с получки, — сказала она по телефону. — Жилище, конечно, не ахти, «бабушкин» вариант, но дешево: двадцатка и депозит — половина, а не полная стоимость месяца. Потом подыщите что-нибудь

поприличнее. В кухонном шкафу — посуда. В комнате — постельное белье. Всё — ваше, не хозяйкино. Я привезла то, что нам уже не нужно.

— Спасибо, — ответила я, внутренне закипая.

По идее, я должна была быть благодарна Варвиной: она нашла квартиру, одолжила денег, даже посуду с пододеяльниками приволокла — мелочи, которые нужны сразу, но их не потащишь с собой из Воронежа. И все же я злилась: спать на ее постельном белье, есть из посуды, которая ей надоела, было унизительно, но денег у нас с Лешкой было немного, чтобы мы могли позволить себе отказаться.

Еще обиднее было то, что эти ненужные ей чашки и простыни оказались лучше, чем те, которыми мы пользовались дома. Как же здорово эта сука устроилась! Но ничего! Я ей покажу! Она поедет назад, к маме и папе, а ее Павлик будет валяться у моих ног.

К первому дню на работе я готовилась очень тщательно. Вечером подобрала одежду: короткая юбка, красная облегающая водолазка, колготки в сетку и высоченные шпильки. Утром встала пораньше, долго укладывала волосы, красилась. Никак не могла решить, на чем сделать акцент: на глазах или на губах. В результате выделила и то и другое. Получилось очень ярко, сексуально.

Когда Лешка, полусонный, выполз из комнаты и увидел меня, сидящую на кухне, он спросил:

— Ты что, в этом пойдешь?

— Да. Тебе не нравится?

— Неа.

— Почему?

— Колхозно как-то. Вульгарно.

— Что б ты понимал! — обиделась я и закурила. — Давай уже, собирайся. Через двадцать минут выходить.

Лешка был готов через десять. Сполоснул морду, нацепил джинсы и непритязательную футболку, глотнул кофе и сказал:

— Ну, пошли?

— Ты что, в этом пойдешь? — вернула я ему его же вопрос.

— Да, а что?

— А костюм мы зачем брали?

— Наташ, я айтишник, а не топ-менеджер. Расслабься.

— Ну, и позорься!

Будет там самым убогим, подумала я. Даже стыдно за него.

К моему удивлению оказалось, что в «Реалстрое» таких много. Нас встретила девушка, и мы прошли в огромный зал, утыканный перегородками.

— Вы будете сидеть в опен-спейсе, — сказала она, обращаясь к Лешке. — А вы — в приемной Павла Олеговича. Но сначала — в эйч-ар. Оформляться.

Что такое «опен-спейс» и «эйч-ар» я не поняла. Шепнула мужу:

— Не подавай виду, если чего-то не знаешь. Потом все выясним про «спейс» и «эйч-ар».

— Это открытое пространство и отдел кадров, — тихо ответил Лешка и улыбнулся.

Отдел кадров оказался тремя столами в общем зале, за которыми сидели дяденька в поношенном костюме, толстая тетка в очках и молодая дылда в белых брюках. Пока мы шли по проходу, я ловила на себе заинтересованные взгляды. Оно и понятно: я была гораздо эффектнее, чем девушки, которых я здесь успела увидеть.

Павлик попросил обращаться к нему по имени-отчеству и на «вы», а мне продолжал «тыкать», с самого начала дав понять, кто есть кто.

— Ну, как устроились? — спросил он.

— Нормально.

— Тогда сделай мне кофейку и закажи столик в «Аисте» на семь.

— Где?

— В «Аисте».

— А где это?

— Разберешься.

К концу дня голова гудела, а я валилась с ног от усталости. Павлик оказался настоящим тираном и трудоголиком. Сам работал на износ и такой же отдачи требовал от подчиненных. Совещание за совещанием, то одного пригласи, то другого. Даже пообедать не успела. Хорошо хоть, приемную он делил со своим отцом, и Света — секретарша генерального — мне здорово

помогла. Если бы не она, я бы не знала, куда бежать, кому звонить, за что хвататься.

Когда босс уехал, я сорвалась домой.

— Уже уходишь? — спросила Света.

— У меня рабочий день до шести, а Павла Олеговича сегодня больше не будет.

— Я бы на твоем месте еще посидела.

— Зачем? — ответила я, набирая мужа. — Леш, ты закончил?

— Нет еще.

— Ты же вроде до шести.

— Я часок-другой побуду. Надо разобраться.

— А я поеду.

— Давай.

Из метро я вышла чуть живая: мало того что вымоталась на работе, так еще и сорок минут простояла в давке и духоте. Не успела я сделать и пары шагов, как зазвонил телефон.

— Ты где? Почему недоступна? — спрашивал Павел Олегович.

— Я в метро ехала.

— А почему ты не в офисе?

— Вы же уехали.

— Ну и что? Я же тебя не отпустил. Мне нужен Волков. Пусть срочно мне перезвонит.

— Волков? Кто это?

Шеф бросил трубку. Я стояла посреди улицы, не зная, что делать. Мобильник Светы я не взяла, телефон приемной не помнила. Позвонила Лешке.

— Слава богу! Ты еще на работе?

— Уже заканчиваю.

— Скажи мне телефон приемной.

— Я не знаю.

— Так узнай!

— Наташ, ты что кричишь?

— Очень надо! Узнай скорее!

Мне повезло: Света еще не ушла. Она сама позвонила Волкову и попросила его связаться с Павлом Олеговичем.

— Теперь понимаешь, почему не стоит уходить, пока шеф тебя не отпустил? — спросила она.

— Теперь понимаю, — ответила я, рассчитывая на то, что вкалывать в таком режиме придется недолго.

К выбору одежды на следующий день я подошла еще более ответственно. Раз Павлик на меня не запал, надо усилить сексапил, подумала я и достала из чемодана короткое черное платье с глубоким декольте, решив надеть его с чулками.

Утром Лешка заявил, что я вырядилась как шлюха, что меня нисколько не обидело. Даже наоборот, — воодушевило.

Когда шеф меня увидел, он на секунду застыл, а потом отвел глаза. Значит, смущается. Прекрасно! Я на верном пути. День пролетел незаметно: было много поручений, которые я выполняла, демонстрируя свои достоинства по полной — то на звонок отвечу с придыханием, то эротично нагнусь, ставя на стол поднос с кофе.

А вечером позвонила Варвина:

— Наташ, как у тебя с деньгами?

— Все в порядке. А что?

— Я могу дать в долг, если надо. Ну, там одежду купить соответствующую.

— В смысле?

— У тебя же, наверное, нет деловых костюмов. Вот я и подумала...

— Меня устраивает моя одежда.

— Понимаешь, — Варвина замялась, — тебя-то, может, и устраивает, а вот Павлика — не совсем. Ему бы хотелось видеть свою секретаршу одетой в деловом стиле. Он попросил меня тебе об этом намекнуть. Ну, и денег одолжить, если потребуется.

— У меня есть деньги, — процедила я сквозь зубы, стараясь держать себя в руках.

Вот ведь тварь сердобольная! Благодетельница херова!

— Точно?

— Точно-точно.

— Тогда переоденься, хорошо? А то мне перед Павликом неудобно. Я же тебя ему, можно сказать, навязала.

Это «навязала» прозвучало настолько унизительно, что я чуть ее не послала. Удержала мысль о том, что рано или поздно Павлик будет моим. Надо только чуть-чуть потерпеть.

— Ты не знаешь, где можно купить деловые костюмы?

— Тебе, наверное, нужно что-нибудь недорогое? Поезжай в демократичный торговый центр. В «Атриум», например. Но сегодня уже поздно. Ты не успеешь. Купишь как-нибудь на днях. А пока просто одевайся скромнее.

— Хорошо.

Я купила себе костюм: укороченный пиджак и узкая-преузкая юбка-карандаш. Вроде бы по-деловому, но очень секси.

— Отлично выглядишь, — одобрил Павлик.

Я улыбнулась, а когда шла к двери, старалась красиво покачивать бедрами. И так — целых полгода: высоченные шпильки, узкие юбки, кружевной край лифчика, торчащий из пиджака. Лешка пахал, а я изо всех сил соблазняла шефа. Уже и Варвина мальчиком расплодилась, и зима прошла, и мы переехали — на Тульскую, поближе к центру, а Павлик все не сдавался.

Иногда он бывал в игривом настроении и называл меня «красоткой». Тогда казалось, что цель уже близка, что еще чуть-чуть — и я в дамках. Но игривое настроение шефа не выходило за рамки приличия, и уже через пять минут он озадачивал меня новым поручением.

Все случилось на корпоративе по случаю Восьмого марта. В переговорной накрыли стол для большой офисной пьянки. Собрались все. Даже биг-босс — отец Павлика — заглянул на пятнадцать минут. Мой шеф тоже был и тоже недолго: выпил рюмку коньяку и ушел

к себе. А я расслабилась и к рюмке приложилась не единожды. Поэтому когда Павел Олегович мне позвонил и попросил зайти с какими-то бумагами, я это сделала, будучи немного навеселе.

— Вот, — я положила листы на край стола и пристально посмотрела на шефа.

— Спасибо.

— Выпейте со мной, Павел Олегович. Праздник же, — я провела пальцем по губам.

— Ну, давай, — он достал из шкафа бутылку виски.

Я села на край стола. Юбка задралась.

— А помните, как мы первый раз танцевали?

— Да. Тогда я подумал, что ты дерево.

— А сейчас вы так не думаете?

— Сейчас — нет. — Он подошел вплотную и погладил меня по коленке. — Минет сделаешь?

Я нагнулась.

Ему было очень хорошо. Я знаю. Потому что с того вечера минеты стали регулярными. Иногда он меня трахал. Всегда — в офисе, всегда — не дольше пятнадцати минут. Никогда не говорил со мной о Варвиной. Он вообще со мной не говорил ни о чем, кроме работы. Но я была не в претензии. Я рассчитывала, что он подсядет на секс. И даже была уверена в том, что уже подсел.

А потом грянул кризис, и все в компании стали дерганные. По коридорам поползли слухи о предстоящих сокращениях. Я тоже немного волновалась. Не

за себя, за Лешку. Он, конечно, пахал на износ, но был всего-навсего айтишником. Бонусы, правда, ему выплачивали неплохие, даже больше, чем мне, но он был далек от первых лиц. Не то что я. Мне было бояться нечего.

В ноябре в кабинет HR-директора стали приглашать некоторых сотрудников. Они выходили оттуда понурые, с конвертами в руках. Я знала, что в этих конвертах лежат уведомления о сокращении.

Однажды в кабинет позвали меня. Я думала, что главный по кадрам передаст мне какие-нибудь бумаги, которые нужно подписать у Павла Олеговича, а он вручил конверт и понес какую-то херню про трудные времена в компании. Эти слова звучали как шум прибоя. Так же бессмысленно.

— Меня что, увольняют?! Меня?!

— К сожалению, таково решение руководства.

Я выбежала из кабинета и промчалась по опенспейсу с конвертом в руках. Влетела к шефу:

— Что это?

— Ты уже в курсе?

— Это прикол?

— Нет.

— Как ты смеешь меня увольнять?

— Мы не на «ты».

— Во время минетов ты так не думал.

— Еблю и работу я четко разделяю.

— Но почему ты меня увольняешь?!

— Кризис в компании. Мы с отцом обойдемся одной секретаршей. Выбирая между тобой и Светой, мы остановились на Свете.

— Но она же с тобой не трахалась!

— Отчасти и поэтому.

— Но что мне делать?

— Не знаю. Попробуй подыскать что-нибудь. В крайнем случае, протянете на зарплату мужа.

— А он остается? — спросила я, уже совсем ничего не понимая.

— Он — да. Отличный программист. Лучший в компании.

— Что, правда? Правда лучший?

— Да. Я собираюсь его повысить.

— А мы с тобой будем встречаться?

— Думаю, это лишнее. Я очень люблю жену.

— Я ей все расскажу! — в сердцах выкрикнула я.

— Тогда и твой муж лишится работы. И, разумеется, я тоже введу его в курс дела.

Я опустилась на диван, на котором столько раз ублажала Павлика, и разревелась.

— Москва слезам не верит, — сказал он и вышел из собственного кабинета. Наверное, чтобы дать мне возможность взять себя в руки.

Лешку действительно повысили, а я, сколько ни искала работу, сколько ни моталась по собеседованиям, все впустую. Секретари требовались, но в связи с сокращениями высвободились такие профи с пятью

иностранными языками свободно и тремя высшими образованиями, что я, со своим хилым английским и дипломом учителя физики, оказывалась в пролете.

Жить на Лешкину зарплату было трудно, он стал заводить разговоры о том, что на время кризиса мне лучше будет вернуться в Воронеж. Туда мне очень не хотелось, да и как я могла — без мужа, без кабриолета, без билета назад.

Я понимала: сдамся сейчас — другой возможности обосноваться в Москве уже не будет. После долгого мозгового штурма на кухне за коньяком меня осенило. Я же училка!

Оставалось только найти себе школу.

Литературно-художественное издание

Лена Миро

ШКОЛА
Оборотень с указкой

Ответственный редактор *Валентина Назарова*
Художественный редактор *Егор Саламашенко*
Технический редактор *Виктория Вершинина*
Корректор *Ольга Алексеева*
Верстка *Максима Залиева*

Подписано в печать 13.08.2010.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,8. Тираж 5000 экз.
Изд. № 90867. Заказ № 3615.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197110, Санкт-Петербург,
наб. Адмирала Лазарева, д. 20, литера А.
www.amphora.ru, e-mail: secret@amphora.ru

Отпечатано по технологии CtP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство».
195009, Санкт-Петербург, Арсенальная ул., д. 21/1.
Телефон/факс: (812) 495-56-10

ШКОЛА

оборотень с указкой

Амфора

повесть **Лены Миро**